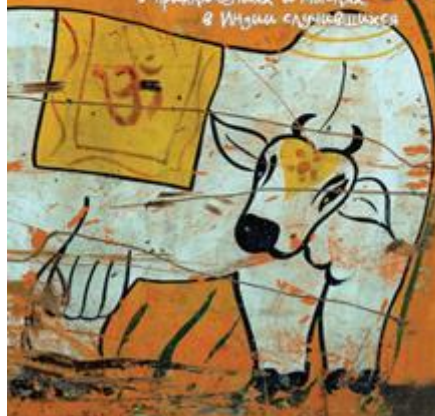

Евгений
Рудашевский

Намаскар:

здравствуй и прощай

Заметки путешественника
о приключениях и мыслях
в Индии слывшейшейся

Евгений Рудашевский
Намаскар: здравствуй и прощай
(заметки путевые о приключениях
и мыслях, в Индии случившихся)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6508978

*Рудашевский Е. Намаскар: здравствуй и прощай : Заметки путевые о приключениях и мыслях, в Индии случившихся. : «Геликон Плюс»; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-93682-900-0*

Аннотация

Путевой дневник выписан из 48-дневного путешествия по Индии. Для страниц этих нужно было лететь самолётами, ехать автомобилями, плыть кораблями, плестись верблюдами. Автобусы, поезда, лодки, мотоциклы, велосипеды – всё это в темпе хорошем, в бодрости духа и мысли. От берега восточного – к берегу западному; от зябкого севера – к знойному югу. Острова Андаманские, Цейлон, Кашмир, обитель Шри Ауробинды, Бомбей, Калькутта... 27 тысяч километров пути. В противоречиях и закономерностях, в страхе и озорстве, в радостях и негодовании.

Увидеть мир, чтобы понять себя. Услышать похоть, злость и опьянение, чтобы увериться в твёрдости своего сознания. Дорога растряхивает от иллюзий, они отлетают комьями грязи, а без них остаёшься ты подлинный – во всей силе или слабости.

Содержание

Вступление. Двое в Индии, не считая миллиарда	4
Путевой дневник	6
09.06. Москва	6
10.06. Москва	7
15.06. Москва	9
04.07. Москва	10
06.07. Москва	11
07.07. Москва	13
10.07. Москва	14
11.07. Москва	15
12.07. Москва	16
13.07. Джайпур	17
14.07. Джайпур	20
15.07. Агра	25
16.07. Агра	28
17.07. Бенарес	31
18.07. Бенарес	34
19.07. Бенарес	40
20.07. Бодх-Гая	43
21.07. Бодх-Гая	45
22.07. Бодх-Гая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48
Комментарии	

Евгений Рудашевский

Намаскар: здравствуй и прощай (заметки путевые о приключениях и мыслях, в Индии случившихся)

*Мы идём вперёд, вперёд...
Кто задержит наш поход?
Тот, кто сзади отстает,
Будет плакать, плакать...
И в туман, и в солнцепёк
Мы идём в пыли дорог,
Хоть в крови уж пальцы ног.^[1]*

Рабиндранат Тагор

Вступление. Двое в Индии, не считая миллиарда

Нельзя рассказывать о путешествии, пока не объяснил до глубины, зачем его предпринял, для чего отвлёкся от прочих занятий – уехал за тысячи километров от дома. У всякого действия должна быть разумная причина, у всякого пути – цель. Почему выбрали мы Индию, отчего поездку совершили летом, где взяли деньги, наконец – как выстроили свой маршрут? Вопросам таким посвящены первые записи Дневника.

Подготовка к путешествию длится дольше самого путешествия. Случалось мне выйти из дома – без планов и расчётов, купить билет на первый поезд и так начать дорогу; но случалось это редко, а путь такой не бывал длительным. Подготовка к Индии вышла двухмесячной. Описание её также дано в первых записях – под московскими числами.

Не хотел я составлять воспоминания, но намеревался жизнь действительную мгновенно переводить в слова – выписывать на страницу тёплые, едва окончившиеся мысли и события, пока не успела память охладить их анализом или переосмыслением. Ждал я в задумке этой сложность, ведь пишу от руки – не всегда время есть и удобство для письма такого. Тем не менее удавалось мне, усталость одолевая, записывать всё, что считал я важным для записей. Дневник по возвращении я перепечатал в компьютер, но изменять в нём что-либо не захотел. Исправил лишь ошибки (из тех, что неизбежны в торопливом письме), пояснил некоторые детали и события. Изменения существенные были только в цитатах, которые я позволил себе переписать в большей точности (заодно снабдил их ссылками на источник).

Путешествовал я при своей давней спутнице – Оле. Ей были назначены свои впечатления от поездки, поэтому Дневник прочтёт она лишь после окончательной редакции – чтобы отзывами не склонить меня к переделке каких-либо фраз, абзацев, глав.

Дневник этот – субъективен без ограничений. Всё объективное об Индии, об островах Андаманских, о Цейлоне искать нужно в путеводителях, не здесь. Записывал я то, что видел и чувствовал сам (пренебрегая отзывами, подозрениями или советами других людей). В этом чудится мне лучшая услуга объективности, ведь в словах моих нет лжи и гипотез. Солгать можно о том, сколько лет строился Тадж-Махал, о том, где захоронен Акбар или Шах-Джахан, но правдой неизменной будет то, какими увидел я улицы Мадраса, каким случилось для нас восхождение на пик Адама. Слова нищего из Джайпура, монаха из Ладакха, рикши из

Порт-Блэра и прочие слова собеседников моих записаны в такой же точности, как мысли мои собственные, в пути сформулированные.

Путевой дневник

09.06. Москва

Почему – Индия? История, культура, прочий флёр – это понятно. Тут объяснять нечего. Удивительной может показаться окончательная причина, по которой не нашлось у меня других вариантов, кроме Индостана.

Пришло лето; мы с Олей не так давно вернулись из Армении и Нагорного Карабаха; я наконец сдал книгу про давыдовский особняк – отчитался по контракту; нужно было выбирать – куда ехать на июль-август. Не поехать мы не могли, так как путешествия стали насущностью жизни. Дело тут не в чужих землях (всякая красота однотипна), не в пышности обычаев и культов (которые в действительности ещё более однотипны), а в самих людях – под природой живущих, обычаи исполняющих.

Человек – везде человек. В чувствах, делах он обречён на однообразие. Этим объяснить можно родство земных культур, схожесть которых одновременно в Южной Америке, Азии и где-то ещё позволяет иным учёным, писателям задуматься о мистике, об Атлантиде, о внеземных наследиях. Строили похожие пирамиды, придумывали одних божеств, измышляли одинаковую философию... Но что в этом удивительного? Всё это был человек – вне зависимости от кожи, эпохи или континента. Логика у них единая – людская. Разум предсказуем – убеждаюсь в этом всякий раз, как знакомлюсь с новой страной.

Увижу я человека в разных обстоятельствах: под разными солнцами, властями и надеждами – что с того? Зачем изучаю людей во всех оттенках? Ответ прост: чтобы лучше, точнее понимать, а значит, и описывать точнее. Увидеть тысячи и расписать словами хоть одного – буквами, синтаксисом прозреть в него, разложить дух его по строчкам (для наглядного, неотступного понимания). Зачем мне это *синтаксическое кощунство*? Отвечать коротко не хочу. Уверен, что из повествования дальнейшего ответ проявится в чёткости.

У нас с Олей было 245 тысяч рублей – то, что осталось у меня (после поездки нашей в Армению) от гонорара за книгу краеведческую «Особняк Дениса Давыдова»^[2]. Зная, что подготовлен мне контракт на книгу о доме Жолтовского на Моховой, мог я без сомнений употребить все деньги к новой поездке. Для чего, как не для путешествий, соглашаюсь я писать истории особняков, когда сюжеты рассказов моих и повестей изгнивают в папках; для чего иначе сижу в архивах, библиотеках, читаю скучные отчёты, воспоминания, когда пылятся на полках моих книги Лескова, Фейхтвангера, Фромма? Но... я преувеличиваю, и – напрасно. В действительности работа по заказу всегда бывает интересным опытом; в архивах вещицы встречаются замечательные...

Итак – Индия.

10.06. Москва

Думали мы о поездке в Мексику. Давняя мечта. Насыщенность этого полугодия не позволила заняться испанским языком, а есть ли смысл путешествовать в онемении? Мне нужны простые, часто – бедные люди, их истории; но что узнаешь от мимики одной, одних жестов? Можно устроить себе переводчика – с ним объездить города, сёла, но к такому решению не пускали деньги. Билеты в Мексику сейчас объявлены дорогие. На двоих в две стороны – 80 тысяч. Это много. Сколько ещё закажет себе переводчик? Решено было, что Мексика подождёт. Нужен не только испанский; нужно время большего объёма – если уж лететь за такую сумму на другую сторону планеты, так и – задержаться там для знакомства с прочими, мною не открытыми странами.

После отказа от Мексики случилось много обсуждений, блужданий пальцем по глобусу. Звучали тут ЮАР, Австралия, Корея, Исландия. Однако для каждой из этих стран находилась вменяемая причина отказа. Не сейчас. В другой раз. На Евразию мы смотрели скудно, так как изучили её вполне – наибольшим пятном осталась Индия. Мне по такому раскладу хотелось в северную Африку. Индией мы пренебрегали – нарочно. На то было несколько причин.

Во-первых, об этой стране среди российских *любителей свободной философии* слишком много разговоров. Друзья мои по Иркутску мечтали об Индии часто, громко, а мне не хотелось воплощать чужие мечты (для кого-то здесь не найдётся логики, но это так). В противоположность иркутским друзьям московские по два-три раза летали в Индию, успели назвать её (точнее, штат Гоа) своей Меккой. Скажу подлинно – не хотелось идти людной дорогой, хотелось *чего-нибудь этакого*. Не лучшая мотивация, однако не могу не признать её звучание в своих рассуждениях.

Во-вторых, Индия не нравилась мне тем, что была без меры облюбована моими родителями. Мама больше пятнадцати лет назад причла себя к буддистам; месяцами живёт подле *учителей*, занимается *практиками* (детали которых мне, по моему нелюбопытству, почти неизвестны). С родителями чувства выдались у меня сложные, противоречивые; общего у нас мало, и негласно сложилось, что Индия, Непал, Бутан – это территория их интересов, касаться которых я не желаю.

Если мамины поиски я не порицаю, то жизнь отца представляется мне сумрачной, болезненной. Я не видел его больше десяти лет, но знаю (от прочих родственников), что он, как прежде, живёт в Непале, где организовал не то секут, не то гарем религиозный (из таких же болезненных сожителей). От моей поездки в Индию одни увидят следование тропке буддийской, другие – тропке сектантской. В семье Рудашевских любят рассуждать о яблоках и яблонях. Меня это не гнетёт, однако лишает должного покоя...

Наконец, причина третья из того состояла, что в Индии – шумно, суетно. Неисчерпаемые толпы людей, музыка – убогая в однообразии и качестве воспроизведения, теснота транспортная и рыночная, чрезмерная оживлённость улиц – всё это, совокуплённое жарой и скудной санитарией, ждало меня вопреки желанию моему увидеть места тихие (пусть и такие же знойные).

Тем не менее, когда окончательно выяснилось – ни в Эфиопию, ни в Перу, ни на Кубу мы не полетим, я как-то естественно, без сопротивления принял то, что этим летом отправимся мы в Индию. «Собственно, больше некуда», – заключил я и даже не пробовал мысль эту оспорить. Услышав от Оли согласие, занялся билетами и вечером того же дня оплатил участие в четырёх перелётах: Москва – Доха – Дели (12, 13 июля) и обратно – той же цепочкой (28 августа). На двоих получилось 43 тысячи рублей.

Индию мы признали англоговорящей; надеялись, что в общении с индийцами непонимания окажется мало.

15.06. Москва

Стендаль где-то в дневниках писал, что увлёкся рефлексией и даже при наибольшей страстности чувствовал в себе холодную часть ума – всё анализирующую, страсть его взвешивающую на граммы. То же, пожалуй, устроилось со мной. Чувства мои настаивают на том, что осознанность – наивысшее из доступных мне удовольствий. Иное может почудиться более насыщенным, но исчерпается быстро, сменится грустью. Наслаждение осознанностью не пресечётся, но только углубится (и страшно встретить дно, но я о нём думаю редко). Поэтому отверг я все формы опьянения: в наркотиках, алкоголе, сигаретах.

Собственная осознанность просит осознанности не менее крепкой и в других людях. Однако трезвость прельщает немногих. Те, кто мог бы к ней прийти, часто выедают себя сомнениями. Если недоступна мне цель (жить в общении с осознанными людьми), то лучшим занятием остаётся само устремление к этой цели – хочу помочь другим обрести бо́льшую осознанность. Сделать это могу я только *словом* – отсюда происходят и мои рассказы, и статьи мои. Вот – логика моей жизни. Вот для чего взялся я составлять эти строки, поездку свою описывать.

Верю ли я, что не сменю направление такое во все последующие годы? Верю, но утверждать этого не стану, так как излишне часто видел, «как рушилось многое из того, что я считал вечным»^[3].

04.07. Москва

Перед поездкой мы получили вакцины.

Врачи обещали нам в Индии болезни всевозможные. Пришлось внимательно читать о гепатитах, брюшном тифе, полиомиелите, японском энцефалите, бешенстве, кори, паротите, дифтерии – все эти недуги могли нас поразить.

Не желая излишеств лечебных, мы довольствовались уколами от гепатита А, от брюшного тифа (что на двоих сошлось в 3 тысячи рублей); получили об этом «Международное свидетельство», которое должно будет спасти нас от карантина, если такой случится по *нашим* заболеваниям.

Другой заботой была малярия. Вакцин от неё не изготовлено; нужно пить таблетки – одну каждую неделю путешествия.

06.07. Москва

Подготовка к Индии выдалась приятной. Больше месяца мы среди книг интересовались теми, в которых говорят сами индийцы или же об индийцах рассказывают авторы других народов, чаще – русские. Читал я, увлечённый, до глубины ночной. Рассказчиками для себя выбрал Разипурама Нарайна, Джавахарлала Неру, Махандаса Ганди, Рабиндраната Тагора. Не меньше любопытного было от Редьярда Киплинга. Лучшими путеводителями оказались записи Марко Поло, Афанасия Никитина, Николая Рериха, Алексея Салтыкова. Авторство современных путеводителей выписывать не буду; искал я от них лишь подсказку на примечательное историей место (чтобы потом не мучить себя обидой об упущенной по рассеянности красоте); прочие советы причислял к ненужным. Такими советами (где спать, как ехать, что есть, с кем говорить) можно путешествие своё ослабить. Интерес от того происходит, что познаёшь всё кончиками своих пальцев; а выйти из леса, не оцарапавшись, не изгрядившись, не издёргавшись – по мне равно тому, чтобы в лес вовсе не ходить. Зачем бы гулять по чьим-то словам, когда радость путевая от вольности, неожиданности получается?! Доскажу ещё, как путеводители современные, серьёзные (по обложке и цене) сумели тем угодить, что насмешили чрезвычайно. Смех этот начался от мудрости в подсказках, которыми авторы наставляли путешественников перед Индией. Укажу те, которые запомнились больше.

В дороге необычайная польза обещана от пробки для слива в раковине – той самой, что делают из пластика и держат на цепочке. В чём именно счастье от такого амулета, авторы не указали, равно как и то, почему нельзя (при необходимости сделать в раковине постирочное озерцо) занять дырку простой тряпкой. Возможно, они предполагали иное, мне не представляемое использование пробки?

Другим советом было взять цепи и замки. Использовать их надлежит в автобусах и поездах. Сложив рюкзак под сиденье, нужно (по заверению автора) укрепить его цепью, иначе ловкие индийцы украдут всё так, что даже малый шорох не отвлечёт вас от заочных сюжетов. Для наибольшего спокойствия предлагалось вслед за умудрёнными европейцами обтягивать рюкзаки металлической сеткой (в самом деле, я видел бедолаг с такими сейфопанцирами). Что же держали в рюкзаках люди, вынужденные для безопасности крепить замки амбарные, сети стальные?..

Важным предостережением были слова о том, что туалетную бумагу (удобную по мягкости и чистоте) найти в Индии бывает невообразимо трудно. Во избежание неловкости автор тоном серьёзным, почти назидательным просил заблаговременно узнать, сколько метров бумаги потребуется в день для моего комфорта, и, помножив эти метры на количество дней, затем разделив на длину одного рулона, получить верное указание – сколько таких рулонов мне потребуется взять с собой в Индию. При возможности – заложить 10 % для непредвиденных расходов. От таких расчётов повеяло канцелярией канадской Службы изучения животного мира. Вспомнилось заседание, на котором обсуждалось «материально-техническое снабжение» задуманной Фарли Моуэтом одиночной экспедиции в Арктику: «Почтенное собрание перешло к обсуждению двенадцатого пункта этого ужасающего списка: “Бумага туалетная, правительственный стандарт. 12 рулонов”. Резкое замечание представителя финансового отдела, что по этой статье возможна экономия, если полевая партия (состоявшая из меня одного) будет проявлять должную воздержанность, вызвало у меня истерический смехок»^[4]. Подобным смешком я оценил туалетные советы в путеводителе.

Встречались и другие наставления. Нищим не смотреть в глаза. Полицейским не давать взятки. Не пить торгуемые на улицах соки. Не злоупотреблять городскими автобусами. Не

дразнить обезьян. Наконец, следить за тем, чтобы по невнимательности не оказаться в женском вагоне или туалете. Туалетная тема дополнялась жалобами о том, что брать защитную плёнку на стульчак бессмысленно – в Индии ещё нужно найти унитаз...

07.07. Москва

Не менее важной была подготовка физическая. Ожидал я зноя, потому от своих 105 килограммов должен был спешно показать рёбра. В месяц прошедший пробежки и заплывы лишили меня 13 килограммов – я почувствовал лёгкость (достаточную при росте 188 сантиметров).

10.07. Москва

Дел перед отъездом нашлось много. Макет получил «Особняка», с редактором пре-рекаюсь, ругаюсь с корректором. Оканчиваю летние материалы для «Русской мысли», для «Лондон Инфо».

11.07. Москва

Завтра – вылет. Суета усилилась. Переписка, поездки, редактura, корректура, споры, договоры и неотступный шёпот людей, чьи просьбы я не выполнил.

Вопреки всему успеваю читать об Индии.

Тысячу лет назад от Индостана на Русь приехал былинами указанный Дюк Степанович. Явился он в парче богатой к палатам славного князя Владимира. Долгие тогда начались речи от чужеземца о странах заморских, о краях, нашему человеку неведомых, непредставимых. Дюк Степанович о таком богатстве Индии рассказал, что поверить ему никто не посмел. Доказательством Владимир принять согласился только личное подтверждение от богатырей, верно служащих; и для успокоения своего от рассказов диковинных послал Добрыню Никитича и Илью Муромца гостить в Индию да богатства тамошние считать. За долгим путешествием (описание которому ни один из мифогласных Боянов не составил) пришли богатыри «в Индеюшку богатую. Они едут раздольем чистым полем, они въехали на гору на высокую, посмотрели на Индеюшку богатую. Говорит старый казак да Илья Муромец: «Ай же ты, боярин Дюк Степанович! Прозакладаю свою буйную й головушку, а горит твоя Индеюшка й богатая». Говорит боярин Дюк Степанович: «Ай же старый казак ты Илья Муромец! Не горит моя Индеюшка богатая, а в моей Индеюшке богатой а ведь крыши всех домов да й золочёные». Тут удалые й дородны добры молодцы приезжали в Индеюшку богатую, заезжали к Дюку й на широкий двор». Всё, указанное прежде Дюком Степановичем, правдой было, а в ином и скромность его обнаружилась. На Русь возвратились. Призвал князь Владимир Добрыню Никитича и Муромца Илью – говорить подробно о богатствах найденных. Объявили первым словом богатыри, что для переписи богатств индийских пришлось бы столько денег отдать на бумагу и чернил приобретение, сколько Киев-град вместе с Черниговом не стоят. Затем принялись богатыри о небывалых драгоценностях, золоте говорить, и только конские сбруи индийские описывали три года и три дня, чем сполна утомили князя. Дальше слушать он не захотел; уверился теперь во всём, Дюком Степановичем об Индии рассказанном.

Многое я слышал и читал об этой стране – рассказов красивых, диковинных. Мой черёд пришёл глазами своими, руками и ногами испытать правдивость слышанного и прочитанного.

12.07. Москва

Наш путевой фонд составил по итогу всех трат и поступлений 200 тысяч рублей. 60 тысяч, переведённые в доллары, я беру наличными, прочие сохраняю на банковской карте.

В 20:00 самолёт вылетит в Доху, откуда с краткой пересадкой мы отправимся в Дели – рассчитываем оказаться там не позже 8–9 утра.

Вчера мы утвердили план путешествия – не привязывающий к городам или датам, но помогающий распределить время по регионам. Индия для нас продлится 48 дней. Из них 4 дня – в Дели, в районе от Агры до Бенареса – 6 дней, на Восточном побережье – 6 дней, на островах Андаманских – 9 (при необходимости плыть 3 дня на корабле), на Цейлоне – 7 дней, от Средней Индии до Гоа и Бомбея – 7 дней, в Пенджабе – 3 дня, в Кашмире – 6 дней. Так, в полтора месяца мы ходом по часовой стрелке обойдём Индию – от севера до юга, от восточного берега до западного.

Путешествие начинать нужно эмоционально голодным – с поклажей тяжёлой вопросов. Дорога всё лишнее растрясёт в пыль, а важное если не объяснит, то по меньшей мере объявит.

Мы отправляемся в землю чужих народов – испытать во всём хорошее и дурное. В этом Екклесиаст обещал мудрость.

Следующая запись будет сделана в Индии.

13.07. Джайпур

(«Розовый город» – Джайпур – построен был к середине XVIII века. Население сейчас превышает 3 миллиона. Штат Раджастан.)

Оля шумит в душевой комнатке. Бойлер на 6 литров. Не работает. Шланг без распылителя – крепкая струя заливает раковину, унитаз. Слив в полу. Дверь в душевую не закрывается. Рядом – окно; облезлая штора не заслоняет его плотно, и под углом – от душевой – виден магазинчик на улице; значит, и они видят нас, после помывки выходящих. Оле это не нравится – она всякий раз пробегает угол окна.

Наконец – прохлада вечерняя, усиленная вентилятором. Можно спать – лёжа.

Оля запивает таблетку противомаларийную (нам надлежит глотать её каждую пятницу), а я протягиваю по страницам Дневника первые записи. Удобств для письма здесь не предусмотрели, но я не за удобствами сюда летел. Сажусь на спинку кресла, тетрадь – на консоли. Сгорбившись, удерживаю кресло в равновесии; пишу. Иных, более приятных положений не получается.

Самолёт вчера взлетел без задержек; через пять часов мы были в Дохе. Полтора часовая пересадка; ещё четыре часа – и мы в Дели. Сна сытного не получилось. Потягивания, зевота.

Ну что же, намаскар¹, Индия, – здравствуй!

Метрополитен, протянувший свою ветку до аэропорта, оказался недоступен. Его закрыли. О причинах этого индийцы отвечали противоречиво – не то электрическая проводка повредилась, не то станция оказалась убыточной (закрыли её до лучшего времени), не то станцию вовсе не успели открыть для работы... Так или иначе, мы сели в такси. После недолгого торга согласились ехать за 100 рупий (59 рублей).

От таксиста узнали мы, что район Пахарганжа (а с ним – Центральный рынок, известный десятками отелей и гостевых домов) закрыт для праздника Шивы. Я не поверил таксисту; подозревал, что таким убеждением хочет он склонить нас к удобной ему гостинице (той, где комиссия ему обещана).

Пахарганж в самом деле был перекрыт загородками, полицейскими. Всюду толпились люди, в оранжевое одетые; они омертвили для нас индийскую столицу.

Паломников в Дели собралось множество; места гостевые заполнились до последней конуры. Во всех гостиницах был нам отказ – наставление ехать прочь из столицы или же приют искать в наиболее дорогих отелях.

Мы зашли в туристическое агентство, но и там помощи не было. «На окраинах тоже ничего нет. Сейчас не лучшее время».

Воздух в Дели при 36 градусах был без меры влажным, отчего город чувствовался крепкой баней. Небо обмётано серостью, и солнце не жжёт, но слепит.

Шум дорог. Водители автобусов, машин, мотоциклов сигналили беспрерывно – разнотонными, разномелодийными голосами; гудками озвучивали каждый маневр: «Я ускоряюсь», «Я поворачиваю», «Я, быть может, остановлюсь», «Я передумал останавливаться». Непрестанный ор, в котором не различить, кто о чём кричит. Сигналы никого не пугают; прохожие и водители глухи к ним; вздрагиваем только мы с Олей.

По тротуарам шли пёстро-оранжевые паломники – процессиями тесными и взаимобратными (некоторые уже возвращались из центра).

¹ Намаскар – жест, сопровождающий устное приветствие, «намасте», который делают обеими руками, сложенными ладонями вместе перед собой. «Намасте» – индийское и непальское приветствие, произошло от слов «намах» – поклон, «те» – тебе.

Всякий водитель ехал удобным ему направлением. Менял движение с левостороннего на правостороннее; останавливался на кольце поговорить с другом; перестраивался резко, без поворотников; выходил на обгон машины, которая сама едва надумала обгонять впереди едущий автобус (и всё – по встречной полосе). Здесь же сустились прохожие (устраивали переход в любом понравившемся месте), велосипедисты (нагрузившие велосипед корзинами – башней в два метра), погонщики ослов, нищие, толкатели телег, *святые* люди (босоногие, косматые, тряпкой одной повязанные)...

Водитель, усердно давящий клаксон, и водитель, для которого усердие это учиняется, сидят в своих кабинах с такой невозмутимостью, словно бы на дорогах индийских слух давно ослабили и гудки все не громче писка комариного слышат или же обрели просветление ума, ко всему спокойного. Ругани словесной нет.

Притомившись от шума, мы надумали без отлагательств ехать в Раджастан. Знакомство с Дели оставим до последних дней путешествия. К тому времени паломничество всякое иссякнет, тише будет на улицах. Так, оставив гостиницы, занялись мы билетами железнодорожными и автобусными.

Соблазн был проход найти к Пахарганжу – под защитой удостоверения журналистского, – чтобы на толпу религиозную взглянуть; но это означало бы задержку долгую, а в Раджастан выехать нужно по свету. Довольствовались тем, что видим паломников, обряды окончивших и теперь направленных домой. Тянулись они линией оранжевой, прерывистой; каждый нёс по два ведёрка, подвязанных к пёстро украшенному коромыслу, или по одному – укрепленному на спину; в ведёрках этих вода была из реки священной Ямуны². Шиваитам в окончание паломничества надлежало босым ходом вернуться в свой город и там излить под звуки молитв, под чадом благовоний воду Сарасваити, Ганги или Джамны на статую Шивы (тем усилить её чудодейственность – для собственного благополучия). В банный жар, в серых клубах пыли некоторым из шиваитов пройти нужно от столицы до 250 километров. Каждые 5–7 километров подняты для них широкие навесы – здесь они отдыхают: лежат на общих лежанках (в тесноте дровяной), едят из одного котла. Забота такая была от местных жителей, благотворительностью приобщавшихся к святости идущих. Каждый шёл по возможностям своего духа. Для многих путь складывался в 6–8 дней, но случались такие, кто бежал, а значит, и города своего достичь мог в 2–3 ночёвки. Им почтение было особенное.

Оранжево-бородатые процессии оказались диковинным зрелищем, понять которое удалось нам лишь от прохожих – вопросами узнали мы и суть паломничества, и его особенности.

Тем временем неурядицы наши продолжались. Билетов в Раджастан не нашлось. Места в Джайпур, Коту, Аджмер были выкуплены по всем классам (от первого с кондиционером до третьего без кондиционера) на ближайшие 10–13 дней. В агентстве билетном объявили причиной всему, во-первых, паломников (значит, не все пешком идут), во-вторых, индийских туристов, которые сейчас обильно едут на север (опустевший от туристов иностранных), в-третьих, болельщиков, готовящихся к важным матчам по крикету. Помощи при таком наплыве не было даже от дополнительных автобусов.

Если б ехали мы при малом бюджете, история получилась бы любопытной. Остановиться в Дели негде, а в город другой уехать нельзя. Пришлось бы спать на улице – в соседстве от нищих и собак. Однако деньги у нас были, бродяжничать не пришлось. Купили мы на 17 июля билет из Агры в Бенарес, после чего наняли машину с водителем – для поездки четырёхдневной по Раджастану и Уттар Прадешу. Из Бенареса (17 июля) нам свобода обещана в любую сторону, вагоны там переполнения не знают – по малому числу паломников,

² Другое название Ямуны – Джамна. Одна из трёх наиболее святых индийских рек.

индийских туристов, по слабости крикетных команд. После Калькутты вовсе ждали мы простора; юг Индии заселён не так плотно.

Десятиминутным торгом уговорились мы с водителем о плате в 10 тысяч рублей за все четыре дня – с условием, что из денег этих будет он питаться, траты дополнительные совершать (по налогам, пошлинам за пересечение границ штата, сборам на трассах платных), что спать будет в машине и других денег с нас не спросит.

Путешествие мы начинаем сахибами.

Дважды обговорив с водителем (Сурешем) детали маршрута, установив точками главными Джайпур и Агру, мы выехали из Дели.

До точки первой – Джайпура – 240 километров. шесть часов пути.

14.07. Джайпур

*Ты вечным счастьем счастлива, страна:
ты кормишь досыта, ты поишь допьяна
и водами из Ганга и Джамуны,
как материнским молоком, сильна^[5].*

Рабиндранат Тагор

Гостиницу мы нашли простую. 400 рублей за номер с вентилятором.

Облака в Джайпуре были густо-серыми, тяжёлыми. Ночь началась здесь в половине восьмого. Тени прохожих слились в темноту общую; облака расслабились дождём. Хлынуло сразу и так обильно, что, стоя перед открытым окошком, мы с Олей не могли друг друга услышать.

Дождь ослабевал. Возвращал грохочущий напор. Вновь ослабевал. К утру изошёл весь – нам был уготован жаркий день чистого неба.

В десять часов мы уже стояли возле нижних стен форта Амбер. Наверх – к дворцу – туристов возят тихие, не способные к резкости слоны. Мы от подобного транспорта отказались. Местные торговцы, должно быть, уверены в скупости пеших туристов – не смущают их тихой прогулки и бегут вслед тем, кто едет на слоне: припрыгивают, тянут на палках сувениры (чудесной ловкостью не сваливаясь под мягкие, но смертельно тяжёлые подошвы слонов). Каждые сто метров торговцы отказываются в цене от 5–10 рублей; ко дворцу товар приводят в нужной им стоимости, а туристов – в нужной утомлённости. Так, под воротами тряпка или поделка, наконец, переходит к покупателю. Продавец, довольный не только деньгами, но и множество раз оправданной тактикой, бредёт неспешно вниз – оттирает со лба испарину, дышит для нового забега.

Дворец махараджей скучен; не осталось в нём отблесков царской жизни. Грязные камни, однообразные стены, запахи туалета, солдаты, туристы и – ничего более. Один только вид на лощину, от стен дворцовых получившийся, оправдал вполне приезд наш в форт Амбер.

Оле дворец приглянулся – улочками путаными (по которым некогда расставлены были царские палаты), переходами сокрытыми из комнат маленьких в ещё меньшие, крохотными оконцами, мраморными решётками (мягкая резьба), узкими и пологими лесенками, высокими ступенями. В этом – сказочность, вкус арабских преданий, архитектурные напевы раджпутов и моголов.

На одном из многочисленных балкончиков меня остановил солдат. Улыбается, кланяется. Гостеприимство показать хочет – так мне подумалось. Указывает на себя, на меня. Я киваю ему. Солдат начал пальцем к фотоаппарату моему лезть и тут же себя по носу похлопывать. Хочет позировать мне – для пущего гостеприимства. Хорошо. Но только не здесь! Солдат противился тусклому виду за спиной; увёл меня в комнату пустую (где махараджа наложниц принимал), встал к стенке и – позирует. Я фотографирую. Киваю в благодарность, пусть снимки здесь неинтересные получаются. Хочу уйти, но солдат меня останавливает. Тянет свой берет – предлагает мне надеть его и сфотографироваться. Я наконец заподозрил, к чему объявилась такая приветливость. Вздыхнув, отвечаю: «Нет». Солдат забрасывает берет на голову и спрашивает: «Money?» Можно было догадаться... Ощупью нашёл в кармане монетку. Протягиваю. Две рупии. Нет, такая плата ему неприятна. «Пятьдесят», – говорит он. Шлёпнув по карманам, я признал себя малообеспеченным, ещё раз предложил монетку; молча ушёл прочь.

В этот день я подал только одному – заклинателю змей; не за умелое его обращение с ветхой, облупившейся и беззубой коброй, но за приятную (классическую для заклинателей) мелодию. Это – работа. Но платить солдату национальной армии за исподволь навязанное позирование... К вечеру я привык, что добросердечие тут неизбежно оканчивается поппошайничеством.

Во дворце Амбера повстречали мы торговца «пятигорскими обрывами» – уборщика, который шёпотом сталкерским проводить обещал меня «на самый верх». Я уже знал, что лестница на крышу – в дальней комнатке, и от сопровождения отказался. Очевидно без сомнений, что помощь его завершилась бы протянутой рукой.

Психологически я дезориентирован – не знаю, чем считать здесь взгляды, приветствия, улыбки. Молодой индеец возле магазина показал мне зубы, поздоровался за руку, после чего сказал: «Сэр, у вас замечательно подстрижена борода. Очень красиво». Подумалось, что борода моя, которую перед отъездом состриг я в длинную щетину, на самом деле чем-то потревожена и выглядит неуклюже. Индеец сам был чистой одежды и заботливо уложенных волос; я счёл его восхищение насмешкой. Позже нашёл отражение своё в одном из стекол, разглядывал усердно и – нет, лицо моё ни в чём не изменилось. Зачем он это сказал?

К часу мы возвратились в центр старого Джайпура. Отпустили водителя.

Оглядев базарную площадь, вынырнули в один из переулков. Очутились на торговой улочке; жизнь здесь, сдавленная в три метра, была утлой, притом – бурливой. Вот он – Раджастан; вот они – первые для нас индийские трущобы.

Улицы длинные, конца не углядеть. Дома – в три, четыре этажа, но из-за тесноты кажутся высокими – нависают множеством пёстрых тряпок. Между домами – расщелины в 30–40 сантиметров; пространство это смрадное, гниlostное – помоями заполнено, а к ним чёрными червями всосались десятки водосточных труб. Если расщелина случается широкой, то и свалка в ней умещает вещи бо́льших размеров, заодно – пасущихся в отхожей вольности коз, свиней, коров.

По обе стороны улиц открыты мастерские, пекарни, табачные, скобяные и галантерейные лавки. Здесь, в углу сером притулившись, сидит под вентилятором индеец с тканями – шьёт, режет, штопает; над ним, в той же комнатухе, на полке притолочной, в ещё бо́льшей тесноте зажат счетовод – перебрасывает бумажки, что-то пишет, что-то вычёркивает. Дальше по улице – торговец чаем, стряпуха, мастер по чинке велосипедов. Торговец соков выкручивает ржавые колёса, в которые подпихивает сахарный тростник – и пенистая белая жидкость льётся для очередного покупателя. Каждый дом выставлен на улочку конторкой, где можно поесть, починиться, постричься, обновить посуду, одежду. Здесь – на короточках сидит индеец, шьёт из резины шлёпки; за ним – торговец книжками лубочными устроился...

Пешеходов много, но ещё больше – мопедов, мотоциклов, мотороллеров и велосипедов. Непрестанные гудки, окрики, музыка – из разламывающихся от дребезжания колонок. Проехать, кажется, невозможно, не повредив прохожего и не повредившись самому, но все едут и вроде, – без травм. Здесь же плетутся коровы. Движение останавливается редко; между двух рядов припаркованных мотороллеров иногда застревает моторикша с широким фургоном, но и такие паузы не случаются долгими.

С балконов свешиваются ноги – апельсиновая кожа стоптанных пяток. Из окон выглядывают женщины, прикрытые до глаз платком. Повсюду – вывески (выцветшие, надорванные). Дорога засыпана мусором; приходится идти по гнилой мягкости. Мужчины, встав к одной из домовых расщелин, лишают себя жидкостей; после этого, довольные, подходят к торговцу лимонадом (он жмёт мелкие зелёные лимоны, разбавляет их сок водой) или к торговцу чаем (он напиток свой кипятит постоянно в широких чёрных котлах). Поблизости стряпают (загибают, выпекают), чистят фрукты, ягоды, выпаривают рис; и всему в сопровождение поставлены толстые сигары благовоний – запах крепкий, всё заглушающий.

Гул, лязг, скрипы, удары, крики.

Встречаются проходы в жилые дворы – там тише и просторнее. На стульях – старухи сидят. Один из проходов оказался неисчерпаемо сумрачным (темнота усиливалась дымом); по любопытству мы вошли в него. Растрескавшиеся стены, корзины. Пахнет гарью, хлебом. Шагаем настороженно вперёд. По обе стороны начавшегося зала открылись красные горнила печей. Над ними сидят мужчины. В сковородах кипит масло. Здесь выпекают хлебные лепёшки. Во мраке углов виднелись другие люди, но их занятие мы разглядеть не сумели. Нашему приходу никто не противился – каждый по-прежнему занимался печкой, лишь изредка поглядывал на меня, на Олю – без улыбки, без внимания. Грудь здесь стяжелелась. Когда мы вернулись на улочку, жара её была отдыхом от тесной духоты хлебопекарни.

Солнце, вырвавшееся на песочном небе, иссушало, утомляло. Нам не было ни жажды, ни аппетита. В найденном балансе тепла мы забыли об уложенной в рюкзачок бутылке; вода поднимет на кожу пот и тем баланс ослабит – нужно будет вновь сохнуть, слабеть.

Улочка не заканчивалась и была неизменно пёстрой, шумной. Через каждые 30–50 метров случался перекрёсток с такой же долгой и тесной улочкой. Жаркая, тысячеголосая сеть. Смерд едва передавлен курением трав, благовоний. Так пахнет Индия.

Мы плутали – в произвольных решениях сворачивали то налево, то направо и не замечали перемен от сотен пройденных метров. Те же индийцы – в брюках или дхоти³, в сандалиях или босые. Те же индианки – в сари⁴ (с плотно закутанной грудью, но с неизменно открытым и неизменно обвисшим животом), в камизе⁵ с шельваром⁶. Чертенята-девочки и мальчишки – чёрные от солнца и грязи, вихрастые. Негде присесть, отдохнуть.

Дома здесь выстроены под арабские мелодии. Они будто собраны из множества разноразмерных цветастых коробок. По таким балкончикам должен лазать Аладдин; по этим бельевым верёвкам Абу спускаться должен в тесноту базарных переулков.

Торгуют крупой, орехами, пряностями, горелыми початками кукурузы. На тротуаре один мужчина поднял руку, а другой скovyривает у него из подмышки большую папиллomu – оттягивает пальцами и пробивает в основании иглой. Юноша мылится над сточной канавой, переговаривается весело с продавцом хлеба, окачивает себя, и пенный поток спешит под ноги прохожим. На другой улочке работает брадобрей – без стен и столиков; в близости от мотороллеров проезжающих ходит его локоть, и боязно смотреть на лезвие, приложенное к шее клиента.

К трём часам вышли мы к широкой дороге. Теснота кварталов закончилась.

Купили батон – для обезьян, гулявших по бетонной изгороди. Оля задумала их кормить; крошила хлеб, бросала. Всё было ладно и смешно, пока не примчался вожак – старый, обозлённый; начал он шипеть на Олю, бросаться к ней, запрыгивал на столбы, лавки – гнал прочь, и страшно было, что схватить он может за волосы. Пришлось отступить, куски последние от батона в стороне оставив.

По карте навигатора обнаружил я, что мы стоим в пятнадцати минутах от Центрального музея. Туда мы и направились.

Широкие лавки и тень были нам лучше всех экспонатов. Однако вышло так, что мы, в отдыхе своём, сами оказались музейной достопримечательностью. Я уже слышал, что индийцам белая кожа видится благословенной, благодарующей, но только сейчас увидел силу этого суеверия. Они шли к нам – поздороваться за руку (коснуться на счастье белой

³ Дхоти – мужская одежда в Азии, прямая полоса ткани (длина от 2 до 5 м), которой драпируют ноги и бедра, пропуская один конец между ног.

⁴ Сари – одежда из куска материи, обертываемой вокруг тела и одним концом переброшенной через плечо.

⁵ Камиз – длинная туника, по бокам которой оставлены разрезы.

⁶ Шельвар – штаны, свободные, широкие в верхней части благодаря множеству складок и зауженные в нижней части.

кожи). Нас трогали исподволь за плечо, за шею. Наконец, женщина в пёстром, пайетками украшенном сари привела детей – фотографироваться. Замерев для мужа, державшего фотоаппарат, индианка без вопросов рукой своей прислонила ладошку сына малолетнего к Олиной шее, а после, улыбаясь и благодаря, притянула уже Олину руку – вынудив Олю гладить мальчика по холке. Тем обряд для детей был исполнен; теперь женщина позаботилась о своей судьбе – поцеловала Олю в щёку. Оля кожным суевериям не противилась, но после непременно протиралась от всех прикосновений влажной салфеткой.

Как от виденного в Джайпуре не вспомнить записи Афанасия Никитина, оставленные ещё в XV веке? «И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети рождаются каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все чёрные. Куда я ни иду, за мной людей много – дивятся белому человеку. <...> А у слуг княжеских и боярских одна фата на бёдрах обёрнута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят – голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт»^[6].

Туристов-неиндийцев в городе мало.

В дальнейшем прогулки были неспешные. Отмечу посещение выжженного парка для бедняков. Не бродягами, под деревьями лежавшими, парк хочу упомянуть, но разговором весёлым. Началось всё от нищего. Грязный, лохматый, он сидел на земле: шикал скачущему поблизости ворону, ел из миски. Я разглядывал его. Внимание моё индеец приметил, но подошёл не сразу; выел варёво оранжевое из миски, руки обтёр о землю, поднялся, ко мне приблизился и проговорил:

– У моего брата не лучшее время. Болен он сильно. Помогите чем-нибудь.

Одежда его (дхоти, рубашка) не так изодрана, не так дрянна, как у прочих.

– Твой брат, быть может, болен. Но ты, кажется, здоров, – ответил я в малой улыбке.

– Да, поэтому он лежит дома, а я зарабатываю ему на лекарства.

– По-твоему, это – работа?

– Тебе не понять.

– Почему же?

– Ты другой, – нищий показал на лице недовольство. Взглянул назад – к миске, будто возвратиться хотел, но пока что медлил.

– В чём же это я другой?

– Посмотри... в каком я тряпье. И посмотри на себя, – нехотя ответил он.

– Разница только в одежде? – настаивал я.

– Не только.

– В чём же ещё?

– Мой брат болен. Дай денег. Сколько можешь.

– Ты не ответил.

– А если отвечу, дашь сто рупий?

Я промолчал. Индеец был нищ, но английский знал хорошо. Стоявший неподалёку торговец лимонадом, кажется, прислушивался к нашим словам.

Молчим. Стоим, едва раскачиваясь, друг против друга.

Индеец поглядывал по сторонам, наконец ответил:

– Много разницы... И одежда другая и... душа. Такие, как ты, слишком любят вещи. Живёте для них, и печалитесь и радуетесь им, как людям. Для вас вещь ценнее человеческой жизни; тут люди умирают без еды и лекарств, а вы в игрушки играетесь.

– Не все.

– Что?

– Не все *мы* такие.

– Разве ты другой?

– Да.

– И можешь без жалости расстаться с вещью?

– Да.

– Пусть бы с этим фотоаппаратом?

– Конечно.

– О, ну так отдай его мне. Я продам его. Куплю брату лекарства. И не только ему...

Я не сдержал усмешки; потрогал фотоаппарат и ответил:

– Он мне дорог не сам по себе. Дорога цель, которой он служит.

– Это только... *вывёртывающиеся слова*. Слова, помогающие жить, – нищий поморщился.

– Не больше, чем слова о больном брате, не так ли?

Молчание. Смотрю на индийца; удерживаю от губ улыбку.

– Ну так... не дашь ничего?

– Нет.

– Жадный?

Молчу.

– Или скажешь, что деньги у тебя тоже служат цели, а так бы их – хоть в пропасть?

– В точку! – я рассмеялся.

Нищий вздёрнулся. Махнул рукой. Развернулся. Ушёл, ругаясь о чём-то на хинди.

Подошла Оля (завидев наш разговор, она осталась в стороне, не мешала). Пересказал ей случившийся диалог, после чего подошёл к торговцу лимонадом – заказал один стакан (с водой из моей бутылки) и спросил, о чём была ругань нищего.

– О... – торговец улыбнулся. – Он сказал, что не поспешил бы оплатить вам дорогу в ад.

– Это всё?

– Нет, но остальное я переводить не стану.

Слова, которых постеснялся торговец, я мог представить по ругани, слышанной Кимом на Большой дороге: «Сын свиньи, разве мягкая дорога предназначена для того, чтобы ты мог чесать о неё свою спину? Отец всех бесстыдных дочерей и муж десяти тысяч лишенных добродетели, твоя мать была предана дьяволу под влиянием своей матери, у твоих тёток в продолжение семи поколений не было носов. Твоя сестра...»^[7]

Лимонад был приятным; я купил ещё один стакан. Оля пить «с улицы» отказалась.

К восьми часам мы возвратились в номер. Нужно было заняться Дневником и лечь спать – для раннего отъезда в Агру, но случилась близость. Не знаю, какой причиной, но была она особенно чувственной. Быть может, всё – от специй или от самого климата. Так или иначе, Оля теперь спит, а я в ночи, под шёпот нового дождя заканчиваю фразу последнюю об этих сутках.

15.07. Агра

(Шиваизм – одно из основных и древнейших направлений индуизма. Для почитателей Шивы известны диковинные увлечения: бродяжничество, каннибализм, поклонение половому органу Шивы и другие.)

Дорога в Агру была пятичасовой. Жар случился тяжёлый, напористый, чувствовался до потливости – даже при кондиционере в машине.

Паломники-шиваисты отыскились и в Раджастане. Всеиндийское празднество. В отсутствие Джамуны и Ганги довольствовались они Джайпурским озером – несли его воды в неизменных ведёрках.

Были короткие, чрезвычайно густые оранжевые процессии. Двигались они в ритме барабанов, плясом; оканчивались обширной повозкой, в которой недвижимым идиолом сидел святой человек (в цветах красных, бордовых, оранжевых, с белой бородой).

Паломники перекрывали шоссе – танцевали, пели, размахивали флагами, обсыпали друг друга лепестками. Приходилось ждать. Из окон соседних машин сплёвывали мужчины – густой тёмно-красной слюной (от бетелевой жвачки или жевательного табака). Мимо нас брели чистые, вылощенные до бархатистости коровы. Кожа обтягивала их рёбра-шпангоуты. Рога были длинные. Сами коровы – спокойные, и в спокойствии твёрдом не возмущавшиеся ни от машин, ни от людей.

Жители местные встречали паломников молитвой.

Под днищами грузовиков, поставленных на обочине, обедали, отдыхали дальнобойщики.

Остановками нашими пользовались торгаши и попрошайки. Не было минуты, чтобы не вздумал кто-нибудь потереться к нам в стекло: то с покорной до уныния обезьянкой, то с ободранной, едва шевелящейся коброй (для лучшего шевеления «факир» непременно щёлкал свою подопечную по голове), то просто – с грязными руками, лодочкой обращёнными ко рту: «Кхана кхала!»⁷

Агра оказалась такой же шумной и людной, как Джайпур, но улочек, подобных тем, что видели мы вчера (тесных, зловонных), здесь найти не удалось. Красный Форт и Тадж-Махал мы отклонили до завтрашнего дня. Устроились в гостинице и вышли для прогулок по базарам.

В день этот наиболее примечательным стало знакомство с велорикшей. О нём – позже. Сейчас слышны от улицы индийские песни – в восьмом часу, по темну, начнётся в городе праздник Шивы. Агра обещана оранжевой и радостной. Будет бесплатная еда. Веселье. Мы с Олей должны выйти к этому празднику, но после я непременно доскажу начатое слово о рикше.

...

Дикость! Дикость возмутительная и печальная. Теперь понятно, отчего Пахарганж в Дели перекрыт. Индийские власти знают, над каким народом поставлены. Понятно, почему закутанные ходят здесь женщины; только старухам вольность дана большая. «Так как они высохли и не могут вызывать желаний, то в некоторых случаях не отказываются снимать покрывала»^[8].

Мы отправились на праздник, ожидая сари красивые, пестрящие в свете фонарей, улыбки, танцы народные, цветы, веселье. Обнаружили другое.

По главным улицам Агры к центру густыми потоками идут босоногие юноши. Мы вышли на одну из таких улиц. Парни выплясывают, выдёргиваются, голосят. Вдоль дороги

⁷ Просьба о еде.

собраны стенки из динамиков, подающих музыку такой ощутимости, что вблизи от них сердце дрожит и кажется, будто воздухом тебя толкает в бок. Каждые пятнадцать метров бесплатно разливают манговый сок, накладывают в одноразовые тарелки (из листьев прессованных) овощи, рис. От сока мы не отказались; был он сладкий, но излишне разбавленный водой.

Мы шли от центра – против движения шиваитов. В такой гущине надеялся я заполучить хорошие кадры. Оля шла следом. Уже несколько раз предлагали нам купить гашиш или марихуану: «1 грамм – 500 рупий⁸ – кричал торговец. – Пробуй бесплатно. Подходи. Только лучшее. Улетишь выше неба».

Я поднялся на бетонное ограждение разделительной полосы; проходивший в толпе юноша коснулся меня рукой – в месте, для которого меньше всего ждёшь прикосновений (тем более таких – мягких). Я не озаботился подобным вниманием, счёл его разовой дуростью. Когда же второй юноша коснулся меня сзади (всё так же ласково), я признал наилучшим спрыгнуть с ограждения, пусть бы фотографии с него могли найтись удачные. Мы пошли дальше.

В тёмных отворотах перед полукругом гроыхающих колонок конвульсировали пляской празднующие. Всё только начиналось.

Женщин не было. Редкие индианки стояли на противоположной стороне дороги – были укутаны платками и, кажется, ждали рикшу. К веселью они не приближались.

Босые юноши всё настойчивее тянули к нам руки, просили фотографировать их, предлагали выпить что-то из бутылки, смеялись, подпрыгивали, дёргались.

В темноте, под навесом ходила папираса – яркий, конусообразный уголёк.

Музыка утомляет. Даже в пяти метрах от *танцплощадок* я глох неодолимо, ещё и голос утрудил, переговариваясь с Олей. Индийцы в безумных заламах выплясывали в такой тесноте от колонок, что задевали их рукой. Казалось, что напор громузыки может изорвать их. Даже издали тело моё вибрировало вместе с басами...

Удовольствия в наблюдаемом не было. Люди добровольно лишают себя сознательно, соглашаются на радость плоскую, меньшую из доступных человеку... Тем не менее я хотел увидеть, как разгорится праздник, какими станут люди, чем окончится бесовское безумие. Нужно было идти к центру. Мы развернулись и теперь шли по течению.

Увидеть, чтобы почувствовать. Почувствовать, чтобы понять. Понять, чтобы с большим основанием отвергнуть. Я мог быть таким же. Отчасти был.

Я отвлёкся – фотографировал беснующегося в шуме ребёнка. Олю за моей спиной (в трёх метрах) оттеснили шестеро парней. Они улыбались, просили снять их на камеру, приплясывали; затем, не изменяя улыбок, начали трогать Олю. Быстрые, короткие прикосновения по всему телу. Оля растерялась, задыхнулась, говорила «по», отмахивалась, упёрлась спиной в бетонное ограждение. Меня нет. Прикосновения продолжаются, от них не спрятаться. Слишком много. Слишком напористо. Ещё мгновение – и все парни (по команде одного из них) отскочили, втянулись в толпу. Оля осталась одна. Ошеломлённая, она подошла ко мне. Прижалась к плечу. Плачет. Рассказала о прикосновениях. Омерзение, слабость, страх. Когда я успокаивал Олю, сзади к ней подошёл мальчик – прихватил и тут же отбежал.

Дикари. Но что с ними сделать? В драку? Толку не будет. Нужно уйти.

...Всё это были не улыбки. Это был оскал.

Нет лиц – только красные выпученные глаза. Нет людей – только звери. Мы отошли на затемнённую, пустовавшую сторону дороги.

Однотонный грохот молитв, вскрики, вой, пляс. И это – начало праздника. Это – окраина Агры. Что же сейчас зрело в центре?

⁸ 293 рубля.

Я не признавал в случившемся особой беды, но Оля была расстроена. Точнее – разбита. Шли приобнявшись.

Вернулись в номер. Праздник для нас закончился. Могли бы догадаться, куда идём.

Я не осуждаю их. Несчастные, напрасные люди.

Отчасти я был рад. Случившееся будет для Оли удобным примером; раньше не понимала она, почему в путешествиях я так неохотно отпускал её в одиночестве по улицам. Оля узнаёт мир. Узнаёт дикость, чтобы больше ценить сознательность.

Иркутский друг рассказывал мне про девушку, радость знавшую от поездок в Таиланд. Она в подобные праздники выходила без нижнего белья, в юбке. Мерзко, но и это нужно понять. Мерзостью назвать, проклясть – просто. Сложнее – признать формой человеческого существования, по-своему логичной, объяснимой.

Одиннадцать часов. С улицы – грохот неизменный и крики безумственные. Всё это плохо, но хорошо, что я об этом узнал.

Оля спит. Нужно следовать за ней. Я думал, что сегодня будет близость, но от случившегося впору задуматься о вожделениях своего тела. Чем я отличаюсь от тех парней? В нас те же соки, та же плоть. Сознательность же... чем её измерить? Однако мысли эти напрасные. Измеряют для других, не для себя.

О вожделении размышлять лучше при спокойном уме. В Индии любовь тел всегда звучала особенным слогом. Здесь даже высшие боги не могли противиться влиянию собрата своего – бога любви, Манматхи; когда он по юношеской резвости направил стрелы свои против Брахмы и его сподвижников, то увидел, как «в ту же минуту в сердцах богов пробудилось страстное желание овладеть единственной женщиной в этом собрании, которой оказалась не кто иная, как Сандхья. Боги сгорали от любви, хотя одному из них она приходилось дочерью, а другим – сестрой. Все они вдруг увидели, как обольстительно её тело, и, отталкивая друг друга, изо всех сил старались привлечь её внимание; рассудительность, сдержанность, приличия – всё было забыто»^[9]. Что уж говорить о людях простых...

Обещанного рассказа о рикше не получилось; при первой возможности, когда насыщенность дней окажется меньшей, я рассказ этот проведу – встреча и разговор оказались интересными.

Сейчас, перед сном, вспомнился мне Афанасий Никитин, писавший об индийцах: «Люди все чёрные и все злодеи, а жёнки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь, зелье, которым морят господарей. Добрых нравов у них нет и стыда не знают»^[10].

Ложусь спать. Подъём назначен на 4:30. К пяти хотим мы оказаться подле Тадж-Махала (идти к нему от нашего отеля не больше 15 минут) – увидеть солнечный восход, в его стенах отражённый.

16.07. Агра

(Князь Алексей Салтыков писал 28 октября 1845 года: «Агра в отношении к мавританской культуре одна из замечательнейших и, может быть, одна из диковиннейших местностей всего земного шара <...>. Здесь, в Агре, бездна памятников из лучшего мрамора; каждый в своём роде, единственный, каждый – самого строгого стиля, украшен сложными деталями, чрезвычайно гармонирующими между собой и нисколько не нарушающими девственной чистоты архитектурных линий»^[11].)

Два часа. Зной. Мы сидим на скамейке под единственным здесь тенистым деревом. Рядом скачут белки. Туристов немного, и те – индийцы. Мы в Красном форте Агры. Утомлены жарой. Здесь тихо; можно не торопиться и составить несколько строк.

В 5:00 мы вышли к Тадж-Махалу. По дороге ещё встречались шиваисты. Они теперь уныло брели по городу. Многие хромали; майки, шорты – в грязи. Праздник окончился; не хочу даже фантазировать, каким безумством продолжался он, чтоб под утро была у людей хромота, потрёпанность.

На улице – однообразный сор из тысячи лиственных тарелок. Музыка нет; колонки стоят чёрные, безязыкие.

...

Даже в тени, под деревом, зной одолевает до слабости. Ветер начинается редко. От потливости зудит тело, по коже идут прыщи, раздражение (при том, что моемся и стираемся мы каждый день).

Прохладная вода бывает счастьем, но чересчур кратким. Когда иссохнешь до горячих волос, когда слюна оказывается мутной, густой, можно в пять долгих глотков выпить пол-литра и тем освежить себя от желудка до ступней; и чудится это наивысшей радостью, но уже следующим мгновением от кожи поднимается такая потливость, что хоть всё снимай на выжим – и не рад испытанной прохладе, и долго ещё не получается вернуть приятную сухость тепловой уравновешенности. Однако знаешь, что вскоре, когда жара одолеет вновь, согласишься на любые последствия ради этого мгновения – краткой, глубокой свежести.

Удивляет наше питание. Вчера в два приёма на двоих мы узнали по одному тосту, по два манго, по одному банану и по одной плошке риса с овощами. Другой пищи мы не искали. Голод ощутим, но ненавязчив. В такую жару аппетит не способен к силе.

Выпиваем не меньше трёх литров в день (туалет при этом посещаем редко)...

Тадж-Махал. Славное имя. Мы должны были посмотреть на него, пусть стремления к этому вящего не испытывали. «Останутся одни слезинки на челе времён, чей блеск навек запечатлён, и это – Тадж-Махал»^[12].

Четыре очереди (обособленные железными поручнями): мужчины-индийцы, мужчины-иностранцы и женщины, также разделённые национально. Индийцам билет – 11 рублей, иностранцам – 440. На входе у меня забрали сувенирный ножик – с трёхсантиметровым лезвием. Опасений от такого оружия я не понял, однако спорить не стал. У одной из туристов забрали пачку сигарет. Она спорила; толку не вышло.

Тадж-Махал – высокий. Об украшении его в путеводителе сказано было на трёх страницах. Малахит – из России, бирюза – из Персии, хризолит – из Египта, агат – из Йемена, ляпис-лазурь – из Шри-Ланки и так далее. 17 лет большого труда, после которого Агра назначена была городом любви. Ведь любовью наречён был порыв, по которому Шах Джахан, смерть жены оплавав (точнее, одной из жён), определил себя к двухгодовому трауру, а венцом к нему устроил дворец великий, небесный. И от страсти яркой стenal он в палатах своих, богов проклинал – обещал вопреки воле их жену свою смерти лишить, имя её обессмер-

тив... Вот, коротко, история, которую в сорок минут здесь расскажет всякий экскурсовод. Не знаю, такой ли была любовь шаха к его Мумтаз Махал, но уверен, что плетями и железом подгоняемые 20 тысяч рабочих и тысяча слонов о чистоте царских чувств задумывались редко. Какой была цена этим минаретам, резным загородкам из мрамора и колоннам, устроенным по стене так, что поначалу обманывают глаз в своих плоскостях и размерах, затем (при объяснении обмана) – глаз радуют и занимают? Я не принимаю величия таких строений. Грустно мне любоваться ими.

Тадж-Махал, над Ямуной поставленный, как и четыре века назад, кажется здесь сгустком сказочным, ведь не успели победить его ни высоты, ни башни современные. Он велик в диком окружении. Кажется Тадж-Махал иллюзией. Удивил, но не очаровал. Повторюсь, величие его пробовалось мне пресным. К чему эти мраморные гиганты? Много ли хорошего от них получилось? Дворец всякий прежде всего – надгробие. Красота изваяний приятна на кладбище, но отзывается грустью.

В садах Тадж-Махала – живность большая. Белки и птицы людей сторонятся, но не пугаются. Каналы парка иссушены; наполняются они редко, в дни особой дожливости и тогда для лучших фотографий растягивают перед «короной» дворца ровное его отражение.

В 9 часов мы поднялись к выходу. Улочки парка – отдельные для индийцев и иностранцев – заполнились туристами сполна, пусть бы лето сочтено здесь несезоном.

Ножик мне вернуть не смогли; обещали найти его скорой суетой, но ждать я отказался, размыслив, что пользы от него мало.

В отель возвращались мы узкими, путанными кварталами. Здесь по-прежнему бродили босоногие шиваисты. Один из них (парень 13–14 лет) изловчился прихватить Олю сзади и тут же исчезнуть – так, что ни ударить его по руке, ни обозлиться на него словом не получилось.

Оля старалась быть внимательной в близости всех босоногих или украшенных в оранжевое; при возможности сторонилась их.

Для Красного форта осталось нам больше шести часов, и время это мы использовали в прогулке неторопливой, в отдыхе под деревом. Здесь всё примечательное отнесено к истории форта; другого интереса нет, кроме тесных дворишков, коридоров и вида дальнего на Тадж-Махал. Поэтому вышло мне время сделать эти записи именно сейчас.

Приключение здесь было одно – отозвавшееся долгим смехом, шутками. Началось всё тем, что заметил я на верхнем этаже форта (в окне) движение; решил, что там крадёт турист. Мне захотелось тех же видов, однако я знал, что всякий подъём закрыт. Нужно было искать открытую дверь. Вскоре обнаружил я спрятанную в темноте лестницу – узкую, с высокими ступенями, незаметную в праздном ходе. «Вот!» – сказал я Оле и поторопился вверх. Окончил радость, руками найдя решётку и замок. Закрыто. Вздохнул – и понял, что на лестнице есть кто-то ещё... Чужое присутствие слышалось по шорохам – тихим, но ощутимым. Писк. Вновь писк. Рядом с лицом. Ну нет... Мимо меня вспорхнуло. Опять! Летучая мышь. Мыши! Писк, крылья – много. Обхватив голову, я ломанулся вниз и по такой темноте нужно удивиться, что не сломался я на высоких, неудобных даже для моего роста ступенях. Выскочил – под гомон – в зал; со мной вылетели мыши. Огляделся и – расхохотался.

Заглянул по лестнице с фонариком и тогда увидел рябые грозды мышей, висящих на растопыренных лапках; не все, значит, улетели. Потолок здесь низкий; при неловкой удаче мог я задеть эти жилистые головы... Мерзкие рожицы. Пищат. Не нравится им моё внимание. Потягиваются, будто устали от сна. Крылья их – пережаренные крылья цыплёнка...

Теперь мы принялись высвечивать все щели между лепными украшениями потолка и стен – везде непременно стили летучие мыши. В иной притолоке их высвечивалось 10–15 штук. Они здесь по всякому тёмному месту живут, и хорошо бы оказаться в Красном форте ночью – какая тут делается подвижность!

Под деревом сейчас Оля кормит с руки белку; на земле сидят индийцы (лавка одна, и мы заняли её прочно). Скоро предстоит нам выехать на вокзал. Поезд отбывает в 20:40. Завтра мы проснёмся в Бенаресе.

Напоследок этого дня отмечу только, что Оля учится быть жёстче. Она твёрже говорит «нет», а слово это наиболее частое для нас в Индии. Причём мягкое «по» не так сковывает попрошак, рикш и торговцев, как твёрдое, почти ударяющее по лицу «нет». Оля теперь увереннее отводит от себя нищих, не со всеми здоровается за руку, не всем улыбается, не всем отвечает на приветствия и вопросы, прекратила оправдывать себя в нежелании знакомиться или фотографироваться. За час, что сидим мы под деревом, к нам для совместного снимка просились четыре индийские семьи; Оля всем отказала.

Нужно идти...

Виденное мною движение в верхних этажах форта было обезьяньим. Обезьяны тут хозяева крыш, и вольница им устроена, надо полагать, полная.

17.07. Бенарес

(Три названия исторических одному городу – Каши, Бенарес, Варанаси («Меж двух рек»). Святое место для индуистов. Население – 1,5 миллиона. Штат Уттар-Прадеш.)

Варанаси. Иной город, иные чувства. Настроения наши поменялись значимо.

Сейчас я сижу на крыше гостевого дома, под пологом – в кафе. Пью масала-чай, вношу записи в Дневник. Рядом сидит Оля. Ей молодая индианка хной выводит по руке узоры (менди). По соседней крыше играют обезьяны: висят на арматуре, изгибаются друг к другу, взбегают по уступам, прыгают на балкон, кричат, раскрыв пасть жёлтых клыков. Внизу, в стороне от нашего дома, – веранда бедной индийской семьи. Странные сцены наблюдал я от них. Женщина в бордовом сари лежала на кровати, держала в руках яблоки. Рыжая коза тянула к ней морду – просила угощения, но не дождалась. Хозяйка с яблоками ушла. Коза, мести желая, поднялась шустро на кровать, топчется по одежде, наконец присела и, подтужившись, струю пустила. Хороший быт! Я ожидал криков, наказаний. Но индианка, возвратившись на веранду и сразу сообразив, что здесь сотворилось, забыла не только ударить козу, но даже выругать её хоть единым словом. Она только тряхнула облитую ткань (не смог я разглядеть, каким было это одеяние – рубашкой или курткой) и повесила её сушиться на верёвку. Злости не прозвучало никакой. Позже на кровати уместились в дружбе хозяйка, её дочь и коза. Женщина вычёсывала девочке волосы; коза стояла за спиной женщины и периодически зажёвывала с её плеча шарф.

От кухни шумит индийское кино. От дороги сигналият машины, моторики. Пахнет влагой, пылью и специями. Мы – чистые после душа, сытые после обеда и выпавшиеся после полуденного отдыха. Иными были мы вчера...

Индийский вокзал – худший муравейник из тех, что видел я на железных путях. Без подготовки должной здесь ловкости не покажешь; без ловкости дорогу осложнить можно даже в том случае, если показал себя сахибом – взял дорогое место. Наш билет был в слиппер-класс (спальный плацкарт).

Вокзал Тундлы (15 минут от Агры) – малый, душный. За билетами здесь стояли четыре разноколичественные очереди; выявить их отличие мне не удалось, так как надписи все сделаны на хинди. Но в этом не было помех – билеты, заказанные в Дели, мы выкупили вчера в одном из туристических центров Агры. Нам оставалось одно – уехать; однако для этого случилось несколько препятствий.

На вокзал мы прибыли к 18:40, желая заблаговременностью лишить себя недоразумений. Ведь это был наш первый индийский вокзал.

Мы были утомлены долгим днём, малым сном и, пожалуй, непривычно скучными обедами, ужинами. Глаза болели от густо-масленного солнца и стекающего с бровей пота (к нему примешивались белые подтёки солнцезащитного крема). Раздражение по коже не прекращалось.

Вокзал был до тугости наполнен людьми. Везде – сор. На перроне расстелены тряпки для семей не то отправляющихся далёкой ночью, не то в постоянстве здесь живущих. Шумно, подвижно. Над справочным окном – старое электронное табло с указанием прибывающих поездов. Рядом с кассами мужчина выписывает на доску всё новые детали расписания – синим маркером. На табло они переходят с ощутимой и порой губительной отсрочкой.

(Пока я делал эти записи, официант принёс мне второй стакан масала-чая. В стакане барахталась букашка. Официант заметил её раньше меня и сразу исправил такую неловкость – поймал усатого гостя пальцами. Вздохнув, продолжаю вспоминать.)

Нашего поезда на табло не было; пока что решили ждать без волнений. Поставив рюкзаки на лавку, сели рядом и обрели себя на внимание всех соседей. «Из какой вы

страны?» «Как вас зовут?» «Впервые в Индии?» «Как вам Индия?» «Вам нравится Индия, не правда ли?» «Можно с вами сфотографироваться?» И ещё десяток других обращений, понять которых мы не могли из-за жёванности, дёрганности, крикливости индийского английского (понять старались, отчего обращения эти должны были слушать по шесть-семь раз).

Я настойчиво смотрел на табло, показывая нежелание своё говорить; тем не менее вокруг нас укрепилось внимание пяти юношей. Они произносили вновь и вновь свои корябанные вопросы, смеялись моему непониманию, перешёптывались, затем опять тянули: «Ми спикита науора трэйн гудэ?»

Восемь часов. Табло о нашем поезде так и не вспомнило. Я встал в очередь к справочному бюро (нет, не в очередь, а в столпотворение – потное, бурливое, потому что очерёдность здесь решалась локтями, а не порядком). Мне нашлось сразу трое помощников; они кричали что-то, расталкивали всех, протискивали меня вперёд, к окошку. Вскоре я узнал, что поезд задерживается на два часа. Вернулся к Оле. Двадцать минут спустя табло подтвердило прибытие нашего экспресса в 22:40. Вновь ожидание.

Не хотел я ошибиться в посадочной суете, потому согласился на помощь кули – носильщика; он должен подсказать нужный вагон – поезд мог быть проходным, а нумерация «S7» мне пока что непонятна. Кули был с номером – жестянкой на предплечье.

Люди на вокзале нашлись разные. Под столбом лежал иссушенный до костей старик – спал, открыв обеззубевший рот. Женщины в сари, мужчины в куртах⁹. Мальчики в рванье, босые; спрашивали тихо милостыню. Юноша в чистой рубашке с протёртым до бахромы воротником. Безумными глазами оглядывающийся старик в дхоти. *Святые* люди в набедренных повязках, с выкрашенными в оранжевое бородами, с красными тилаками¹⁰, с маленькими ведёрками. Станный мужчина в саронге¹¹ – с канистрой, из отверстия которого светило что-то, словно был туда упрятан жар. Старик с козой на коленях. Полицейский в гладкой коричневой форме, с длинной палкой-прутом (назначения которой я так и не увидел). Старухи с широким бинди¹², с выглядывающими из сари складками пожухлого живота. На вокзале пестроты такой было много.

Один из наших соседей в чувстве чрезмерного дружелюбия снял с лица очки и протянул их мне подарком. Я отказался, заметив, что ему они нужнее. Юноша обиделся, показал, что назначенное в подарок не возвращается, и при повторном отказе он сломает очки. Оля подсказала не противиться. Опасаясь просьб о взаимном подарке, которым индеец мог указать что-нибудь ценное из моих вещей, я до ловкости быстро вынул из кармашка набедренной сумки царицынскую матрёшку (накупили их в Индию – подарками). Юноша был рад чрезвычайно; он с друзьями долго рассматривал её, собирал, разбирал, чему-то смеялся и наконец объявил мне дружбу вековую. Пришлось пожать ему руку и кивнуть: «Да-да, навек». Очки я сохранил для виду; утром оставил их на сиденье моторикши в Бенаресе.

К 22:10 мы перешли на перрон. Прислуженный нами за 60 рублей носильщик сказал, что поезд объявится позже назначенного времени – когда именно, никто не знает. Мы сели на рюкзаки. Над платформой было электронное табло, но сейчас оно предупреждало о прибытии семичасового поезда (который уже прибыл и отбыл – по счастью для его пассажиров – вовремя).

Вспоминали мы, как год назад, в такую же вечернюю духоту, по схожей темноте шесть часов ждали в Самарканде задержавшегося поезда до Учкудука.

⁹ Курта – длинная широкая рубаха.

¹⁰ Тилака – священный знак, который последователи индуизма наносят глиной, пеплом, сандаловой пастой или другим веществом на лоб и другие части тела (вертикальные линии, точки).

¹¹ Саронг – мужская и женская одежда народов Азии: полоса ткани, обертываемая вокруг бедер или груди и доходящая до щиколоток.

¹² Бинди – круглый или каплеобразный знак, который наносят на лоб.

Суеты человеческой на перроне осталось немного. Здесь были иностранцы; они ждали молча (если не считать безумных французов, что-то тихо напевавших хором – чуть ли не Марсельезу). Даже индийцы в полумраке оказались не такими шумными. Мы отдыхали; от ветра здесь иногда получалась прохлада. Развлечением нашлась суета иная – крысиная. Гладкие серые тушки носились между шпал, вспискивали, дрались. Я бросил им шестирублевый пирожок с овощами и тем устроил борьбу шебуршавую (окончившуюся бегством наиструрейшей крысы, в чьих зубах пирожок казался толстым поленом).

По нашему пути прокатились уже пять составов; ни один из них не был указан носильщиком. Объявления на вокзале звучали нечасто; первое время я признавал их – по заунывности – молитвами, потом только понял, что неправ, и, прислушавшись, стал различать некоторые английские слова.

В час ночи на путь четвёртый подали поезд (мы сидели на третьем). Кули оживился. Наш поезд! Пришлось бежать. Остановка ограничилась тремя минутами. В худших классах мы, пробегая, видели тесноту необычайную и радовались, что не придумали экономить на билетах; иначе ехать пришлось бы с тремя соседями на полке, с нагромождениями багажа, с просунутыми между оконных решёток ногами, руками и даже головами. «Вот!» – указал носильщик (рюкзаки мы несли сами, не доверяя их чужой спине). На вагоне было написано «S7». Как бы мы без помощи нашли его в такой спешке (поезд наш, как и прочие, был длинен чрезвычайно, не все вагоны обозначены, да и состав оказался проходящим – с указанием нам незнакомых городов; номер поезда мы так и не обнаружили)? Кули помощь свою расширил до того, что отыскал наши места, согнал с них спящих безбилетников. Свои 100 рупий он заработал честно – принял их в обе руки, прислонил ко лбу.

Поезд дёрнулся, покатился. Можно было наконец лечь. Оля выбрала третью полку, я – вторую (в Индии вагоны трёхъярусные; под потолком, куда в наших плацкартах багаж выкладывают, здесь организовано ещё одно спальное место). Рюкзаки мы положили рядом с собой. Удобств здесь не случилось. Потные руки липли к обивке. Вместо подушки – кофта. Окна были зарешечены – без стекол; и моим неудовольствием был сквозняк – лежал я по движению и ветер весь собирал на свою голову. Можно было укрыться футболкой, но не хотелось беспокоить рюкзак.

Одно купе от другого, как и в наших плацкартах, отделено общей стенкой, но верхушка её сделана здесь из жёлтой решётки – заглянуть можно к соседу по третьему ярусу.

На потолке (в каждом купе) укреплены три могучих вентилятора. Жужжали (точнее – громыхали) они нестерпимо. От них, от стука колёс получался дурманный, к снам диковинным уводящий ритм.

Всё здесь укреплено массивными скобами, болтами, укрыто железной сеткой. Полки держались на цепях – к ним при желании можно было привязать рюкзаки.

Уснул я быстро. Правду говорят, что голод в еде не привередлив, а сон подушек не выбирает.

18.07. Бенарес

(«Гат» или «гхат» – спуск к священной реке, ступеньками, божествами, храмами украшенный. «Ашрам» – обитель мудрецов, отшельников, в которой поучения они дают последователям своим.)

Сегодня я решил писать на том же месте – на крыше гостевого дома; теперь – при завтраке. Передо мной омлет с овощами, овсянка с мёдом и бананом, масала-чай, манговое ласси и мухи (в таком обилии, что для безопасности тарелок нужно непрерывно махать рукой; машет Оля, я делаю записи).

Снизу, от жилого дома (того самого, при котором коза живёт) дети просят сладостей. У нас нет ни конфет, ни шоколадок. Мы крикнули об этом, но дети всё равно просят.

На соседней крыше мужчина гоняет обезьян – палкой, криком. Полчаса назад мы набросали туда ломтей хлеба; нам – потеха, ему – заботы. Смотрим на обезьян и мужчину; из окон других домов индийцы смотрят на меня, на Олю. Каждому – своё любопытство.

У нас хорошая комната с ящерицами по стенам. Каждый час прекращается электричество на 10–15 минут; вода в кране сама решает, быть ей холодной или тёплой. Духота здесь хорошо перебалтывается потолочным вентилятором (серые длинные лопасти); от окон вытягивается мимолётный сквозняк. До Ганги – 2 минуты пешком. Обустройство такое на один день стоит 300 рублей.

Бенарес славен долгой набережной, вылепленной ашрамами, храмами, гатами и крематориями. Подтверждения славности такой нашли мы в первый же вечер.

Закат вчерашний мы увидели из лодки, нанятой для прогулки. Грязные, рваные, обозначенные письменами, украшенные божествами и святыми, помеченные свастикой¹³, со множеством балкончиков, выступов, провалов, с деревьями зелёными на крыше, с Шивой синим у входа – здания на побережье выглядели мрачно, и было в них что-то дикое из-за краски бордовой (от солнца гаснущего расплескавшейся). В таком городе должен царствовать Хануман или по меньшей мере бродить здесь надлежит асурам¹⁴.

На широких серых ступенях набережной стояли люди – молча, бездвижно, будто сумерничали¹⁵ или колдовали свои особые заклятья. Лестницами здесь укрыт весь берег – они уходят вглубь верхних улиц, бывают затоплены до порога первых домов. Противоположный берег Ганги (близкий, в дести минутах гребли отстоящий) виден был пустынным – не обозначенным ни деревом, ни каким-либо строением.

В прогулке лодочной достигли мы вечерней пуджи¹⁶, и больше часа отдали наблюдению за ней. Большого интереса не получилось. Зрелище любопытное (в таких деталях мы видели его впервые), но неприятное из-за шумности. Резкие, частые удары в колокольцы, монотонные призывы пуджария¹⁷ и вторящие ему сотни людей. Упражнения с факелами, огнём окутанными подсвечниками. Дым от благовоний, копчение чёрное. Добавлены к этому покачивания, ритмичные кивки; готовят ум к туману. Участники пуджи, должно

¹³ Свастика (санскр.) – крест с загнутыми под прямым углом (реже дугой) концами. Возможно, древний символ плодородия, солнца, скрещённых молний, молота Тора и т. п.

¹⁴ Асуры – в индуистской мифологии могучие соперники и враги богов, низвергнутые с неба и превратившиеся в демонов.

¹⁵ Точнее, наблюдали сандхью. «Сандхья» – чудное слово индийское, объяснённое Р. К. Нарайаном как «зыбкий час между заходом солнца и сумерками, между концом ночи и рассветом, время приглушённых голосов, неясных мыслей, тающих или возникающих силуэтов».

¹⁶ Пуджа – в индуистской религиозной практике образы почитания богов – подношение цветов, воды из Ганга, воскурение благовоний.

¹⁷ Пуджари – священнослужитель в индуизме, совершающий пуджу для мурти в храмах. Мурти – статуя или изображение определённой формы Бога, деви или святого.

быть, считают это медитацией, попыткой к мудрости, но разве мудрость начнётся в отказе от сознательности? Эти зачаровывающие звуки, равно как и песни других религий, диких племён, опустошают голову от глубоких помышлений. Много в жизни устроено для радости беззадумия, помогающей уподобиться скоту, а с тем и восприятие своё опростить до «хочу, владею, распоряжаюсь». Ум (ленивый, хитрый) умствовать при этом не прекращает, оправдания выдумывает к жизни скотской, и потеря сознательности кажется её усилением. В тумане крепком беззадумия человек почитает себя мыслителем или человеком ищущим, талантом и творчеством мир ощупывающим.

Музыку любую (вслед за молитвой и дребезжащим колокольчиком) я назову губительной для ума – ум ослабляющей. Исполнение в ней более сложное, чем в мантре¹⁸, но суть та же – мыслей лишиться. Издуманы человеком тысячи способов опорожнить сознание своё внешними ритмами: кино, танцы, разговоры, игры, наркотики, книги – не все и не всё, но многие. Потреблять искусство – ещё не значит мыслить.

Думал я при вечерней пудже, что мне печальнее всего наблюдать сознание бездействующее. О чём думают эти люди, под огнём вытанцовывающие, вскрикивающие?.. Это плохо, это мне чуждо, но хорошо, что я об этом узнал.

Ночью разождалось.

В пять утра мы опять сидели в лодке – для новой прогулки по Ганге, теперь уж при других, рассветных красках.

По всему берегу – оживление большое. Стирают одежду – мылят её, мочат в реке и, скрутив в замахе, лупят по нарочно для такого дела установленным камням. Другие моются сами, отхаркиваются – заложив пальцы в горло, да так громко, натужно, что слышно за сотни метров. Тут же чинят лодки – подбивают шпангоуты, паклюют, верёвками обвязывают; за лодками испражняются мужчины. Рядом молятся паломники десятка религий. Со всей Индии едут сюда омыться в Ганге. Возле крематория в реке по голову стоят зебу. От крематория выносят корзины с пеплом – высыпают прах человеческий и древесный в священные воды...

К шести утра по берегу сделалось шумно от музыки. Лодок по Ганге прибавилось, и среди них зачастили вёслами торговцы, выкладывающие по корме и бокам своих лодок сувениры, цветы, фрукты. К нам причалил индеец и, не спрашивая согласия, запалил свечи, которые здесь принято отпускать в воду для счастья. Индеец обиделся очень, когда мы от ритуала отказались. Сделал глаза большие, раздул щёки и – отплыл.

Оля с недоверием поглядывала на омывающихся шиваистов.

Мы плыли мимо больших (в пять метров) изображений свастики, Ганеши, Шивы. Некоторые из стоявших в Ганге мужчин призывно дули в рог. На ступенях курили, варили чай. По зданиям перебежали в привычной ловкости обезьяны.

Мужчины, повязанные тряпкой, пальцами или палочками драили зубы. Здесь же брились, стриглись. А Ганга мрачная была, и не счесть всех примесей из которых она сочлась; священной называть её кажется мне излишним, но особенной назвать приходится. По чёрным, маслянистым водам текут кувшинки, мёртвые карпы, упаковки от жевательного табака, дощечки, обрывки тканей и прочий сор¹⁹. Вспомнилось из «Кима»: «Я знаю реку великого исцеления. Я пил воду из Ганги так, что у меня чуть не образовалась водянка. У меня сделался понос, а сил не прибавилось»^[13].

По одним гатам рыбаки расправляли сеть – перевязывали, крепили грузила-кирпичи, обшивали. По другим – устроилась прачечная обширная. Тут стирали не меньше полусотни

¹⁸ Мантра – в древнеиндийской религиозной традиции магическая вербальная формула общения с богами, приватно транслируемая от учителя к ученику.

¹⁹ Ганга омывает рудные месторождения серебра; воды её насыщены ионами серебра, эпидемия по такой особенности не случается.

индийцев; сушилка им начиналась на ступенях – всё уложено цветастыми сари, простынями, платками, бельём.

Скрипят верёвочные уключины. Смеются на берегу дети, играющие мячом. Бродят тощие, чихающие собаки.

Большой крематорий устроен на берегу и назначен лучшим местом для всякого умершего индуса. Работает он весь год, ни на минуту не заглушая пламени своего, а люди, чьи тела стали здесь прахом, непременно отправляются в Нирвану – так заявил нам один из зрителей крематория (мы причалили к лодке-дебаркадеру, и он одним прыжком оказался нам соседом). Всякий индеец путь тела своего мечтает завершить в Ганге, и для участи такой семья его отдаст последние рупии – иначе чистоты им, почёта не будет. Тела везут на машинах, телегах, повозках. Те, кто беден, жгут умершего в своём городе, но пепел всё равно отправляют к священной воде. Если пепел Ганге не отдать, дух умершего спокоен не будет – начнёт волновать родственников несчастьями и ночными кобылами.

Горят здесь на одной площадке все вместе – без разбора каст, богатств и грехов. Плакать не положено – слезами отвлечь можно дух от перехода в высшее состояние. Для утешения родственникам работают жрецы.

Череп сожжённого тела разбивает старший сын – бамбуковой палкой; удачей считается окончить разбитие пятым ударом. От мужчин остаётся лишь грудная клетка, от женщин – бедро.

Цена сожжения высчитывается от веса умершего. 1 килограмм – 150 рублей. Был при жизни чревоугоден – заплатят за тебя родственники сполна.

Рядом с крематорием – тёмные, будто из единой скалы выдолбленные хосписы. В них для смерти собираются те, кому денег для огня не набралось – одинокие, нищие. Ухаживают за ними на пожертвования; при жизни ещё от благотворительности закупают они дрова на свой костёр.

В огонь нельзя определить ребёнка (чистого по возрасту и в очищении тела не нуждающегося), тех, кто страдал проказой, скончавшихся в беременности и тех, кого убила кобра (такой человек гибнет в святости, ведь кобра – символ Шивы). Их, как и бедолаг, у которых не было рупий для огня, опускают ко дну Ганги – на съедение рыбам (увозят в сторону от города, привязывают к булыжникам, бросают в воду).

Смотритель крематория спросил от нас денег для нищих – на дрова. Мы отдали ему 100 рупий (почти полкилограмма).

Сейчас, отдохнув сполна, насытившись, могу выйти для прогулки по улочкам Бенареса. Прочие записи сделаю перед сном.

...

К вечеру был лишь один примечательный случай.

Возвращались мы берегом, людей странных наблюдая. *Святых*, бродяг, паломников. Случился на возвышении каменном индеец, ноги лотосом скрестивший. Смотрел он тихо в даль предсмеречную. Повязан тряпкой, по груди – волосы седые, кучерявые. По лбу – полосы тилака. Пучок макушечный резинками цветными перехвачен. От подбородка тянулась мокрыми сосульками борода. Кожа – густо-коричневая, вся в пятнах белых, разводах. Смешным показался мне индеец в серьёзности своей. Какие мысли у него в положении таком? Какая жизнь для него свершается? Подумалось мне, что нищий этот здесь мыслителем сочтён, что последователи, быть может, для поучений ходят к нему. Захотелось по такому делу озорничать.

Олю оставил в стороне, сам к индийцу приблизился, сел рядом. Запах влаги, благово- ний, цветов. Вдохнул я громко и от приветствия краткого разговор начал. Индеец голову ко мне повернул, улыбнулся. Для забавы придумал я себе серьёзность вящую. Сказал индийцу, что в поисках пребываю, что помощи спросить у него хочу. «Что же ты ищешь?» Ответил

я скорой выдумкой – историю Киплинга пересказал о реке, от грехов очищающей: «Когда наш милосердный Господь, будучи юношей, искал себе подругу, люди при дворе Его отца говорили, что он слишком нежен для брака. <...> Тогда произвели тройное испытание. При испытании в стрельбе из лука наш Владыка сначала переломил тот, который Ему дали, а потом попросил такой, какого никто не мог согнуть. <...> И стрела, перелетев через все цели, исчезла вдаль, стала невидимой для глаз. Наконец она упала; и там, где она дотронулась до земли, прорвался поток, превратившийся в реку. Эта река благодаря благодеяниям Владыки и заслугам Его до Его освобождения очищает купающихся в ней от всякого греха. <...> Где эта река? Источник мудрости, куда упала стрела?»^{14]} Произнося это, смех я предчувствовал неодолимый; когда же рассказ мой окончился, радость отчего-то пресеклась. Озорство глупостью показалось. Индеец молчал, под ноги себе глядя. Качнул головой, ответил, что о Реке такой не слышал и помочь не может в поисках моих (я уверен был в ином ответе – ждал, что укажет он на Гангу, искупаться в ней предложит). Помолчав ещё, начал он историю диковинную.

Так сидели мы в Бенаресе, на берегу Ганги, в сумерках; индеец нищий, *святой*, легенду мне рассказывал, чтобы в ней подсказу поискам моим озвучить – говорил, глядя вдаль, не на меня, будто не ко мне обращался:

– Время было далёкое. Не сказали ещё слов ни Вайкунтха, ни Кайласа, ни Сатьялока. Махашакти – мать великая мира всего – сына Трокдевту²⁰ создала, чтобы он вселенную оживил. Вылепила его в тело человеческое, но в отличие человеку власть дала ему безграничную. Поселился Трокдевта на континенте широком, среди людей, обликом ему подобных. Власть Трокдевты великой была. Царства он устраивал богатые, сам же их губил. Прославлял людей и терзал. Женщин чистоту стерёг и сам же первый являлся чистоту эту порушить. Заповеди людям показывал и тут же осквернял их; проклинал себя и возвеличивал одновременно. Так жил он тысячу лет, пока не утомился; ограничены свершения, не сделать тебе больше того, что может быть сделано. Стало Трокдевете скучно. Знал он радости человеческие, страдания их выучил. Смертным проще было – они умирали от тела одного и в теле другом являлись, но забывали жизни предыдущие – жили будто впервые. Трокдевта, сын Махашакти, помнил всё. Рождался он в обликах разных; пророком был, полководцем, мучителем, царицей страстной. Но всё прискучило ему. Всё надоело. Одного не знал он – любви подлинной, душевной; знал только любовь телесную. Не было тогда Манматхи, чтобы сердце его стрелами пронзить. Трокдевта угас. Увидел он, как руки его твердеют, как слюна песком сыплется, как волосы галькой шебаршат. Понял, что каменеет во всевластии своём, и не хотел тому препятствовать. К чему тебе сознание, если ты совершенен? Сознание – это путь к совершенству, но не само совершенство. Сознание – это напрасное, неисполнимое стремление к идеалу. Когда идеал достигнут, сознание умирает и надлежит тебе богом стать – существом внетелесным, вневременным. Совершенство знаменует смерть. Но Трокдевете муки великие назначались – Махашакти воспретила ему в боги возвратиться. Понимая, что ослабить тоску лишь забвением можно, спустился Трокдевта к реке шумной, подле неё окаменел окончательно, не оставив в себе отличия от других скал и валунов. Жизнь людская продолжилась и была спокойна. Люди рождались, росли, умирали. Работали, чтобы есть. Ели, чтобы жить. Жили, чтобы работать. И не было этому конца.

Однажды всё переменялось от девушки простой – Джаграни. Красоту её не мне описывать; я в том не умелец; скажу только, что мужчина всякий, видевший её, разума лишился, и пришлось Джаграни, едва вызрела она до спелости полнейшей, прятаться в селе отдалённом, опасаясь безумцев влюблённых. Она возвышенной была в красоте своей и не хотела

²⁰ Не уверен я в правильном написании «Трокдевты» – не смог в точности слово это разобрать. Из прочих богов указывают тех, кого знал раньше, а потому сумел здесь расслышать.

унизить её покорностью. Поклялась себе, что останется одна, в нетронутости, в святости. Село было возле той реки, где каменность принял Трокдевта. Как догадываешься ты, утром свежим услышал сын Махашакти, как поёт чудесная Джаграни, и кровью вновь облился.

Спускалась Джаграни к берегу – стирала здесь и пела о судьбе своей. Трокдевта очнулся окончательно от забытья, из оболочки каменной поглядывал на девушку; так впервые узнал он любовь. Камни расходиться стали руками, валуны – ногами, галька – пальцами, песок – кудрями. Восстал Трокдевта для жизни новой. Испугалась Джаграни явления такого, потом удивилась, но вскоре разочаровалась – увидела глаза Трокдевты, а в глазах его – любовь. Долго рассказывать можно о том, что было в годы последующие, но скажу кратко. Хотел Трокдевта взаимности, поведал Джаграни о судьбе своей, о рождении, назначении, грусти. Не захотела Джаграни признать его мужем, осталась горда в красоте своей и невинности. Трокдевта не отступил. Он усыпал ей дорогу алмазами, сапфирами, показал чудеса земли и неба, назвал её царицей и мир весь вывел коленопреклонённым перед ней, поднял к звёздам, опустил на дно океана – чтобы власть показать свою и царство, ей обещанное. Джаграни оставалась неприступна.

Разгневался Трокдевта и власть свою показал иной – принялся жечь царства, людей мучить, осквернять; при матерях детей сжигал, при мужьях жён мучил и зол был, страшен. Угрожал, огнём ревел и землю так вздымал, что в полях горы рваные вносились. Джаграни оставалась неприступна.

Бесновался Трокдевта. Слал миру щедрости и гнев, готов был для любых свершений. Потом ослаб. Вышел к реке, где сидел когда-то камнем, сделался здесь пастухом. Искал отъединения, но не находил. Молил Джаграни о любви. Наконец ослаб. И впервые от дней мироздания заплакал. Бессилен был он. И слабость оказалась его наибольшей силой. Джаграни пожалела великого бога, а жалость была щелью в сердце, через которую просочилась любовь. Началось им счастье. Все грани взаимности познали они; длилось это пять тысяч лет. Лучшим певцам не сочинить песен о радости такой, и нежности, и ласке. И мир был садом цветущим. Но однажды Джаграни, проснувшись, увидела, что возлюбленный её сидит возле реки, а руки его тверды, песком осыпаются. Теперь для новых дней просыпался он во всё большей каменности. Ему вновь стало скучно. Он вновь умирал. И не могла поцелуями своими, нежностью, словами Джаграни пробудить его. Грусть великая случалась. Не умел Трокдевта противиться смерти. Взглянул на жену, в печали глаза сомкнул, заплакал во второй раз от дней мироздания – а слёзы его камнями были. Стал он скалой. Джаграни бросилась в реку, утонула²¹.

Индиец смолк. Помолчав, вздохнул, после чего промолвил:

– Совершенство убивает даже богов. Очищение – это тупик, смерть; смерть ума, а значит – индивидуальности. К этому можно стремиться, однако не нужно этого достигать. Очищение – это путь, а не цель. Ценно то, что увидишь ты на пути к своей Реке. Быть может, нет её вовсе, но не так это важно. Лучше стремиться к невозможному, потому что так уйти получится дальше; хуже, когда цель твоя очевидна, достижима – ведь назначаешь её из того, что видишь, а значит, далеко не уйдёшь. Не знаю я твоей Реки, но рад, что ты её ищешь. Вопрос лишь в смелости, настойчивости, честности.

Сидели молча. Смотрели на Гангу. Я вздыхал, но разговор продолжить не решался. Необычным показалось мне, что в ответ на пустое гаерство услышал подсказку о своей подлинной Реке. Не сказал этот *святой* нового, но порой важно услышать мысли собственные от человека другого – чтобы осознать их, принять.

²¹ Ни до, ни после не слышал я мифа подобного. Знаю, что окаменела Ахалья – жена Гаутамы, когда изнасиловал её Индра, в образе Гаутамы явившийся. Окаменела Рамбха, пробовавшая соблазнить Вишвамитру. Но о боге каменеющем не читал я никогда, и никто из знакомых моих, мифологию индийскую знающих, подобного сюжета не встречал.

Ушёл молча – кивнул только.

...

Перед сном укажу ещё мысли о виденных на прогулке тесных каменных жилищах – всегда открытых в разломанных дверях, вывороченных окнах, заселённых чрезвычайно и при разрушенной крыше напоминающих хижину (полог временный устраивается из бамбука и сена). Жалость во мне к этим людям, но не за бедность их, а за то, что нет у них возможности к уединению. В комнате одной по грязи расстелены тряпки. На них – трое, смотрят маленькую коробку телевизора. В углу женщина раскатывает тесто. В противоположном углу – дети. Полумрак. Цветные блики, шум кино. В коридоре на скамейке старуха сидит, в стену смотрит. Во второй комнате двое мужчин режут палки бамбуковые. Больше нет комнат для этой семьи. Квартира соседняя – в такой же тесноте. Где здесь отъединиться, где место найти для мыслей, для созерцания своих чувств? Люди эти бедны не голодом и обносками, а тем, что нет им одиночества. Как бы сам я жил, если б не осталось мне возможности быть одному – ни дома, ни на улице? Тепло вспоминается Сибирь, Забайкалье. Как сумерничал возле нодьи; спокойной была тайга, а луна и звёзды – безмолвными. Чем дальше ухожу от тех мест, тем ближе к ним оказываюсь. Это правда.

19.07. Бенарес

(Пашимина – подиёрсток горной козы.)

Ночью дождило. С утра успокоилось, но серым небо оставалось до темноты. Было влажно, душно; погода такая сложнее жары – в ней голова гудит, туманится. Ждал я, что духота прозреет ливнем, но – напрасно.

После завтрака мы отправились по набережной к крематорию. Виденное вчера от лодки сейчас повторялось вблизи, только в меньшей насыщенности – для стирок и омовений время было позднее – 10 часов.

По гатам – писающие мужчины; встали к стене и не смущаются тем, что поток, ими созданный, идёт под ноги прохожим.

Из-за спины нам кто-нибудь начинал вышёптывать: «Ши-ши. Ха-ши. Ши-шь. Ха-ши. Ха-ши». Другие говорили точнее: «Гашишь? Марихуана?» «Try and fly». «Пробуйте бесплатно». Сегодня такие обращения мы слышали не менее десяти раз. (Завершением этому будет вечер, когда в нашем ресторанчике Оля по любопытству ко вкусностям заказала Varanasi famous shake за 70 рублей; выяснилось от официанта, что напиток этот – наркотический. Заказ пришлось отменить).

Прошли мимо электрического крематория. Услуги его дешевле, но не так почётны – индийцы хотят испепеления натурального. Так или иначе, даже перед этим крематорием увидели мы положенные в костёр тела (закутанные в ткань, но с обнажёнными лицами).

Дальше по берегу был рынок – с навязчивыми торговцами гашиша; один из них следовал за нами несколько минут (не таясь, но и не выставляясь), будто подозревал, что мы одумаемся для покупки.

Наконец – главный крематорий. Фотоаппарат пришлось убрать, так как место это состоит в своих запретах. Лучшим сторожем здесь назначены родственники умерших.

Горят три костра, собранные из толстых брёвен, но основной огонь – в большом бежевом здании. Всюду – нагромождение дров, мусор, зола. Огонь дышит широко. Между двух костровищ козлёнок ковыряет землю. В стороне, возле спуска к Ганге, стоят коровы. Ниже – у воды – двое носилок с уложенными на них телами. По пёстрым одеждам понятно, что это женщины. На заборе от погребального костра сохли трусы, брюки, рубашки.

Козлёнка заподозрил я жертвенным. Не видели мы в Индии закланий, но вспоминались записи Николая Рериха: «Безобразное зрелище! В Золотом храме в Бенаресе мимо нас провели белую козочку. Её увели в святилище. Там, вероятно, она была одобрена, ибо через малое время её, отчаянно упирающуюся, спешно протащили перед нами. Через минуту она была растянута в притворе храма, и широкий нож брахмана²² отсёк ей голову. Трудно было поверить, что было совершено священное действие. Мясо козы, должно быть, пошло в пищу брахманам. Ведь брахманы мяса не вкушают, за исключением мяса жертвенных животных. А таких животных запуганное население, вероятно, приводит ежедневно»^[15].

Серое, дикое место. Запах марихуаны, горящего дерева.

К нам подошёл индеец. Назвался смотрителем. Прогнать его мы не решились, угадав, что может он провести в хоспис – к тем, кто ждёт смерти.

Ещё вчерашним утром познакомились мы с одиноким англичанином. Злился он о том, как приветили его улыбками, как тешили рассказами, как показали шиваистский храм, как затем истребовали сразу 5 тысяч рупий (2930 рублей) – пожертвованием на святость этих мест. Не знаю, чем его пугнули, но деньги он отдал, а теперь сполна проклял Варанаси и его набережную. Подозревая сейчас повторение такой истории, я решил говорить осторожно.

²² Брахман – лицо, принадлежащее к высшей касте (первоначально – к касте жрецов) в Индии.

«Нам не нужен гид. Мы здесь сами ориентируемся». – «О, я не гид. Я смотритель, и мои заботы – о родственниках, об умирающих». – «Вы можете провести нас в хоспис?» – «Да. Я здесь вам в помощь. Ведь вы – гости». – «Сколько это будет стоить?» – «Мне денег не надо. Я забочусь о карме, не о материи». – «А кому надо? Я имею в виду – денег». «Ну... вы можете дать кому-нибудь из умирающих – на дрова». – «Сколько?» – «Сколько душе вашей захочется». – «Отлично. Идём».

Прошли к свалу брёвен. Повернули к лестнице – утлой, затемнённой. Поднялись в пропылённое серое здание (стоящее возле крематория). Склизкие чёрные ступени, шершавые стены. Широкая комната с балконом, открытым к Ганге. Здесь никого не было, кроме женщины, представившейся медсестрой. «Она облегчает последние дни тем, кто ждёт скорой смерти», – пояснил индеец. Бедняков не было. Проводник заявил, что последние умерли вчера, а новых не успели зарегистрировать. Я был разочарован. Очевидно, что в подлинный хоспис нам не попасть, а прогулка эта устроилась лишь для просьбы о деньгах. Медсестра позвала меня сесть к ней. Я сел. Она обхватила мне голову пальцами, принялась камлать счастье моей семье. После этого индеец наконец спросил о donation. Я достал из кармашка (нарочно отведённого для подаяний и чаевых) 30 рупий. Сумма эта возмутила и медсестру, и смотрителя: «Вы же хотели помочь несчастным? Купить им много дров? Дайте что-то достойное! Три тысячи, четыре!» Я рассмеялся подобной наглости, ведь произносил её человек худенький, маленький, напугать способный только козу, и то – молодую. Даже эта пропахшая погребальным дымом комната не помогла ему в устрашении. Когда проводник настаивать решился о тысячных купюрах, я повторил ему логику нашего разговора – то, что пожертвовать я должен, сколько «душа захочет», а не по его указу. Сказав это, я вложил медсестре в руку 30 рупий и отошёл; она, растерявшись, плату приняла – разом окончила спор, к моему удовольствию. Теперь подобраться ко мне они могли бы только наглой силой, ведь деньги я отдал, а значит, договор исполнил вполне. Силы в дневное время от индийцев я не боялся. Мелкие они, паршивенькие, болезненные, гашишем приправленные.

Сообразив неудачу, наш проводник предложил исключительную возможность фотографировать кремацию с балкончика. Мы отказались. Тогда он спросил плату себе. Я напомнил ему, что «материальное не так важно, важна только карма». Пустил вперёд Олю, громко попрощался, вышел к лестнице.

Ушли мы без препятствий. Смеялись наивному по организации вымогательству и незадачливому англичанину, для которого, впрочем, ситуация могла быть иной.

От крематория поднялись мы к центру города; теперь гуляли в стороне от Ганги.

Видели на улочках, вблизи от рынка, куски многокилограммовые льда – носильщики укладывали их рикшам на сиденья. Должно быть, назначались они посылкой в семьи, холодильника лишённые. Лёд в подполье можно уложить, землёй присыпать – так сделать многомесячный лёдник. Лёд, для продажи мороженный, доставали, конечно, из морозильника электрического. Дело нехитрое. Не то было в позапрошлом веке. В одном из бенаресских писем Алексей Салтыков указывал: «Я видел <...> презамечательную вещь: ледяную фабрику. Сотни бедных туземцев, женщин, детей и стариков получают плату за следующее занятие: по ночам, в ветреную погоду, они обязаны оставлять тысячи плоских блюдец, наполненных водой, на земле, под открытым небом. Зимой в этих блюдечках образуется тонкая ледяная кора, которую бережно снимают перед восходом солнца, укладывают между рядами соломы в глубокие ямы и таким образом делают запас льда на всё нескончаемое лето. Эта ледяная фабрика приносит двойную пользу: освежает напитки бенаресских богачей и даёт кусок хлеба множеству бедняков»^[16]. Сейчас блюдецками никто не занимается...

В храмах городских были мы кратко; не задерживались в них из-за шума (подобного тому, что слышали от пуджи). Интересным был только храм Ханумана, где обезьянам устроена вольница – ходят они по вашей тропе, пьют из соседнего крана. Приятные, смешные

наблюдения. Монахи здешние не позволяют проносить в храм предметы электронные: фотоаппараты, телефоны; так что могли мы обезьянами заниматься, не заботясь ракурсом или светом.

Прогулки вдали от берега спокойные получаются. Здесь отдохнуть можно от ежеминутных предложений гашиша, помощи, лодки.

Вечером мы вновь спустились к воде. По берегу вернулись в гостевой дом.

Вскоре узнали, как здесь склоняют туристов к излишним тратам. Если кто-то в гостевом доме спросит о хороших тканях Бенареса, помощь вам назначится обширная. У хозяина есть несколько в одну цепь сбитых торговцев, которые (меняясь меж собой) встают в очередь, где первые назовут вам цену тяжёлую (на пашмину, на хлопок, на шарфики, постельные комплекты, камизы), а последний, для начала заявив те же цифры, потом расчувствуется в близости какого-нибудь религиозного праздника и устроит вам чудесную скидку на 30–40 процентов. По этим торговцам вас в особой рачительности провезёт моторикша, служащий хозяину гостевого дома (60 рублей, при обязательном вопросе о чаевых). Систему такую мы узнали от моторикши, который повадился работать в сторону от хозяина – сразу предложил *своё* место, где нужная нам вещь будет дешевле, чем у последнего в хозяйской цепочке продавца. Мы попросили моторикшу свозить-таки нас по всем продавцам. Действительно, первые три заявили для хорошего пашминового платка 2000–2500 рублей, а последний, вспомнив грядущий Рамадан, согласился на 1000. Этот же платок мы купили у продавца от моторикши за 580 рублей. Или он также был частью цепочки?..

Ночью, сидя на крыше гостевого дома, мы пили чай; следили за мошками, за охотившимися на них ящерками. Утром – отъезд в Гаю. Вчера, памятуя безбилетицу в Дели, мы расписали по дням путешествие наше до Мадраса и купили все нужные билеты (8 штук на двоих, спальный класс). Общая цена – 2000 рублей.

20.07. Бодх-Гая

(30 тысяч – население Бодх-Гаи. Штат Бихар.)

В этот раз мы самостоятельно узнали и платформу, и поезд (который опоздал лишь на два с половиной часа) – научились высматривать номер вагона, высчитывать положение мест; порой даже понимали станционные объявления.

На лежанках наших сидели индийцы; прогонять их не пришлось – ушли сами.

Доехали до Гаи. Заплатили моторикше 90 рублей – он в полчаса свёз нас от вокзала до Бодх-Гаи.

Так оказались мы в месте, где двадцать шесть веков назад объявлено было, что «всё, составленное из частей, разрушается». Большие слова, однако – только слова.

Сегодня мне исполнилось 25 лет. Я забыл об этом; Оля напомнила. Отметили ананасом.

Остановились мы в тибетском монастыре – недалеко от храма Махабодхи. Ожидали келий тёмных, отдельной жизни, строгости монастырской ко всяким шумам и движениям неурочным, но получили условия гостиничные: совместная комната, отдельная душевая и плата в 150 рублей (за двоих, в день).

Когда мы разместились, стемнело, наметился бус. Капли из тумана окрепли, и к восьми часам зашумел дождь. Единственной прогулкой был выход к магазину.

Соседом нашим был американец – человек неприятный. Упоминаю о нём только по намерению вносить в Дневник всякое событие, имевшее для нас звучание.

Эшли в третий раз наведлся в Индию. Здесь ему нравилась «свобода чувств и проявлений» (я не стал выпрашивать значения этих слов), но раздражением всегда оставались попрошайки. Эшли курил на веранде, когда мы возвращались из магазина, и сам вольно, после приветствия, начал рассказ о себе; затем, посмеиваясь, поведал нам о борьбе своей с нищими. «Если не дашь ему – будет преследовать, кланчить. Дашь – будет тебя ещё усерднее мучить, да и друзей позовёт», – говорил Эшли. Он придумал купить в магазине ужасов игрушку – поддельную пачку жевательных резинок с вытянутой нижней пластинкой: если возьмёшься за неё, ударит током. Американец рассказал, как впервые протянул такую жвачку донимавшему его мальчику, как тот взвизгнул, отбежал, глухим взором уставился на него, расплакался. С тех пор Эшли «укротил не меньше сотни нищих»; теперь надеялся записать такое шоу на видео – показать через Интернет друзьям. «Не представляешь, до чего у них смешно глаза округляются. Они таких шуточек не видели!» Я ничем не ответил.

...

Перед сном продолжил я читать начатый в Москве сборник индийских мифов. Бенаресец, ночью подле Ганги пересказавший мне историю каменного бога Трокдевы, признал, что не знает слов для красоты Джаграни. Прочёл я описание Рати – дочери Дакши – и подумал, что слова эти могли бы дополнить ту диковинную повесть: «Её брови были очерчены ещё совершеннее <...>, а заострённые груди были похожи на нераспустившиеся бутоны лотоса и кончались тёмными, как медоносные пчёлы, сосками, такими твёрдыми, что упавшая на них слеза разбивалась на тысячи мельчайших брызг; когда Манматха глядел на струнку шелковистых волос между её грудей, ему казалось, что там случайно оказалась тетива лука. Её бёдра, гладкие, как стволы бананового дерева, сужались книзу и заканчивались маленькими ножками с розовыми пальчиками и пятками. Её руки походили на потоки золотого дождя, а косы можно было сравнить только с облаками в сезон дождей»^[17].

Без осуждений говорил бенаресец о казнях, устроенных Трокдевой, будто они – часть насущная всякого правления. Дополнением к тому нашёл я в Махабхарате образ полнокровного (идеального) правителя, столь гармонирующий с образом Трокдевы, но для меня непривычный: «Яти превратил свою жизнь в сплошной праздник и старался не упустить

ни одной самой маленькой радости. Но так как Яяти был молод и полон сил, это не мешало ему быть добрым и справедливым правителем. Он поощрял науки, почитал святых, не забывал порадовать богов жертвой или молитвой, помогал бедным и страждущим и жестоко расправлялся с преступниками. А покончив с делами, он стремился получать как можно больше удовольствий, наслаждаться женщинами и вином, радоваться золоту, богатству и безбедному существованию»^[18]. Не тот правитель хорош, кто в святости пребывает, но тот, кто полнокровием отличен и жизнь знает во всех соках. Диковинно это...

21.07. Бодх-Гая

(Малярия в старом итальянском переводилась, как «испорченный воздух».)

Весь день сегодняшний сошёл ни во что. Я отравился и отравился жестоко. Можно было ждать участи такой, ведь знали мы, куда едем, какой пищей вознамерились желудки свои тешить. Давно условились с Олей в странах чужих пищей интересоваться только национальной – узнавать места новые не только ногами, глазами, руками, но и языком.

В первые дни мы ели всё индийское. Острые овощи, рис со специями, фрукты и прочее, чему порой не знали названия русского. Не было в этом бед. Желудок покорно брал всё, а по туалету не вредничал. Но вот – срыв, да какой!

Всю ночь боли во мне были великие. Я выплясывал с бока на бок; жар; штаны, футболку сбрасывал, надевал их вновь, когда со мной озноб делался. И сны мне казались безумные, по которым потерял я счёт времени – ночь ото дня или вечера отличить не мог. Не хватило мне ума сразу понять в себе отравление – подняться за нужными таблетками; не просыпался я окончательно, но больше в бреду ворочался, сам себя тревожа стонами и вскриками.

Кошмары утомили сознание не меньше, чем рези – тело. В снах спешка была, насыщенность, видел я до пяти сюжетов без остановок, и все – запоминались, изматывали.

Потом изощёл я сполна – постель была влажной, липкой. Ломота проявилась в суставах, костях, и тошнота делалась глубокая, однако рвотой не завершалась.

Безумным фоном к терзаниям моим звучали ночью песнопения чьи-то, молитвы, удары барабанные, лязг колокольчиков. Религий тут дозволено много, и у каждой – своё звучание, свои напевы.

В четыре утра (время я высмотрел по телефону) дорога за монастырём оживилась сигналами; я, сомнамбула, лежал в сухости внутренней. Пить хотел. Воды по рассеянности вечерней мы не запасли. Думал идти в магазин – покупать воду, но не мог встать. Слабость сделалась такая, что даже кулаков не удавалось мне сжать в твёрдость.

К болям внутренним добавились внешние – нелепые до обиды. Проёмы здесь, в «келье» нашей, низкие устроены; перед сном разбился я макушкой о притолоку; помутнение влилось в голову. Ночью поднялся в туалет и там исхитрился дважды пробить себе лоб; удар последний был такой силы, что думал я лечь на пол, изорвать себя тошнотой, но сумел-таки до кровати докрасться.

Глупость мою, по которой не сразу я достал таблетки, можно понять, ведь отравления прежде не поражали меня – в симптомах очевидных не разглядел я ничего. Кроме того, в бреду ночном уверился, что беда вся от головы разбитой. В иные мгновения думал об инфекции кишечной.

Утром всё выяснилось сполна. Оля, выслушав от меня мои чувства, указала нужные таблетки; у неё в отравлениях опыт долгий.

Пот, одышка. Измерил температуру. 38,7 °C. В состоянии таком жар не дозволено снижать; пришлось терпеть.

...

Все наши слова были о причинах отравления. Для других разговоров не было ни сил, ни внимания. В поезде вчерашнем продавали обеденные пайки – 50 рублей (рис с овощами, два яйца-масала, соус, свёрток хлебный и картошка с перцем). Оля от картошки отказалась – выдала её бродяге (их в поезде много, и все тычут к тебе культиями, переломами, струпами, кожными язвами). Я картошку съел и был доволен. Оля, несмотря на склонность к отравлениям, не отравилась; нужно было искать отличия в нашей трапезе. Картошка вагонная была первым; вторым было печенье с манговым кремом, которым я вчера вздумал побаловаться. Оле печенье не понравилось, я всё съел сам...

Отравление могло усиливаться и разбитой головой, и тем, что вчера по графику мы проглотили противомаларийные таблетки (побочностью к ним записано следующее – выпивая из инструкции буквально: тошнота, рвота, головокружение, диарея, боль в животе, недомогание, утомляемость, озноб, лихорадка; наиболее часто – нарушение сна, кошмарные сновидения; реже – тревога, депрессия, панические атаки, спутанность сознания, галлюцинации, агрессивность, параноидальные реакции; описаны редкие случаи суицидальных мыслей; сонливость, потеря равновесия и так далее – список можно дополнить ещё не одним десятком побочных действий). Написал это и думаю – быть может, не было никакого отравления и беда вся от таблеток случилась? Как узнать? Но почему тогда Олю не поразила та же лихорадка? Всё побочное я испытал вполне (исключая, конечно, суицидальные мысли)...

Весь день пролежал я в слабости, в сонливости. Спал, пробуждался, бредил. Оля обтирала меня влажной тряпкой. Пил я много (Оля сходила в магазин).

Обидно думать, что день весь пропал не в отравлении (которого не предугадать), а в действенности лекарства, назначенного нам в защиту. Что ж, через неделю можно будет сказать об этом точнее – если побочность повторится от новой пятничной таблетки.

К вечеру температура моя снизилась до 37,8 °С. Мог я встать, идти, даже сжимать до малой крепости кулаки.

Есть мне воспрещалось до завтрашнего дня; аппетита, собственно, не было.

У Оли температура – 37,1 °С. Отчего? Таблетка противомаларийная?

Мы прошли до ближайшего ресторана. Я выпил чёрный чай с сахаром – через трубочку. В трубочке был твёрдый комок пыли – не заметил его, проглотил. Оля съела овсяную кашу. Нужны силы. Назад (150 метров) я шёл в слабости исключительной – сгорбился и не мог озвучить ни одной мысли. Вернувшись в «келью», слёг.

К девяти часам сознание моё окрепло, и я позволил себе заняться Дневником. Одолевая хилость и повторную тошноту, вытягиваю эти строки. Надеюсь завтра, вопреки лихорадке, осмотреть Бодх-Гаю.

Чувствую, что жар сейчас усиливается.

Даже 39 °С не удержат меня в монастыре. Стоило сюда ехать, чтобы вместо Махабодхи интересоваться только своей влажной простынёй?!

Что осталось мне, кроме хорохорства?

На 22:30 завтрашнего дня назначен наш поезд в Калькутту. Так что, пусть малыми переходами, с частым отдыхом, но городок этот мы должны узнать.

В комнате наконец возобновили электричество – перебои здесь частые, как в Бенаресе. Я могу выключить фонарь; так или иначе, на сегодня всё сказано. Для большего нет сил.

22.07. Бодх-Гая

(Высота храма Махабодхи – 51 метр (17-этажное здание). Индусы верят, что Будда был одним из воплощений Вишну, поэтому приходят сюда молиться вместе с буддистами.)

Новый день выдался иным. Улучшилось всё: самочувствие, настроение, погода.

От вчерашних болей осталась лишь слабость – мягкая, ватная, отчасти уютная; торопиться нам было некуда, и мог я гулять не спеша.

Вчера выпил я четыре литра воды, но пищи не видел никакой. Тем не менее голода поутру не испытал. Завтрак был простым: пиала овсяной каши на воде, и только.

Бодх-Гая – городок маленький; низкodomный, по окраинам – хижennyй. Всё здесь сошлось к древнему Махабодхи и устроенным поблизости от него монастырям: тибетскому (в котором мы жили), бутанскому, китайскому, тайскому, вьетнамскому, бирманскому и японскому. Средоточие буддизма; впрочем, буддизм по этой поре обозначен не так обильно (сезон паломников начнётся к зиме).

Статуэтки Будды, Тары, портреты Далай-ламы. Неспешная торговля платками, футболками с буддийской символикой. Здесь спокойнее, чем в предыдущих городах, меньше шума; объяснить это можно и малой населённостью Бодх-Гаи.

По главной улице торопятся моторикши, автобусы. Из машин по громкоговорителю зачитывают проповедь. Оранжевых здесь много; они неизменно босы, но оголтелости в них не чувствуется. Оранжевые семьи: мужчины в очках, женщины с чистым лицом. Здесь шиваисты иные. Оля тем не менее по учёности неприятной идёт в должном расстоянии от них, в сосредоточенности.

Нищие здесь не так навязчивы, они только обозначают свою бедноту словами: «Hello, sir» и протянутой рукой. Улочки в Бодх-Гае грязны, но нет в них такого скопления отходов, как в Бенаресе.

В магазинах под полками, в ресторане под столиками мы видели мышей, но удивления или негодования от этого не случилось. Привыкли.

На торговой площадке перед Махабодхи ползают уродцы, калеки – с заломанными ногами, с вывернутыми руками, с выжженными глазами. Такой может лежать недвижно, будто чёрный паук, перед пустой миской, но увидев туриста, вздёргивается, раскидывает по сторонам конечности свои – пресмыкается вперёд, за возможным подаянием. Слепые лежат почти без движений – стонут, причитают.

Сам Махабодхи, усаженный среди зеленеющих деревьев, необычным оказался. Собрано в нём что-то модернистское, точнее – футуристическое. Построен он был не менее 2000 лет назад; удивительно. Космический корабль, никак иначе. Стены – серые, составленные будто бы из металлических пластин. Углубления, словно бы устроенные для проводки и схем. Долгие каналы оптоволоконной связи, симметричные тиристоры, загогулины конденсаторов, плоские реле и переходники... Чудесный храм, мечта фантаста. Каким же чудом был он для Александра Каннингхема (директора Археологической службы Индии, чьим настоянием Махабодхи был восстановлен от заброшенности)! Ещё большим чудом был он для людей древних – сколько таинственного, могучего представлялось им в верхних этажах храма?! Затаённость, непостижимая для обывателя, укрепляет религию, ведь ждут в ней знания о тайнах Вселенной, иначе зачем бы религии такой существовать. Люди смотрели на недоступные им святилища, трепетом, страхом преполнялись; «тут виден только ящик, наша овечка сидит внутри». Печальное, но удивительное время. Тогда «в каждом доме жил домовый, в каждой церкви – Бог...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Перевод Г. Коца. Приводится по: Тагор Р. Сочинения в восьми томах. Том седьмой. Стихи. М., Худ. лит., 1957. С. 128.

2.

Рудашевский Е. Особняк Д. Давыдова. История в событиях, судьбах фактах. М., ОИ БФ Система, 2012.

3.

Стендаль Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том третий. Пармский монастырь. М., Правда, 1959. С. 113.

4.

Моуэт Ф. Не кричи, волки! М., Мир, 1968. С. 15.

5.

Перевод О. Ивинской. Приводится по: Тагор Р. Сочинения в восьми томах. Том седьмой. Стихи. М., Худ. лит., 1957. С. 159.

6.

Никитин А. Хождение за три моря. М., ЭКСМО, 2012. С. 39.

7.

Киплинг Р. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. Ким. М., Терра, 1991. С. 71.

8.

Там же. С. 79.

9.

Нарайан Р. К. Боги, демоны и другие. М., Наука, 1974. С. 96.

10.

Никитин А. Хождение за три моря. М., ЭКСМО, 2012. С. 41.

11.

Из письма Петру Салтыкову (28 октября 1845 года). Приводится по: Путешествия по Индии князя Алексея Салтыкова. СПб., Palace editions, 2012. С. 193.

12.

Перевод С. Мар. Приводится по: Тагор Р. Сочинения в восьми томах. Том седьмой. Стихи. М., Худ. лит., 1957. С. 123.

13.

Киплинг Р. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. Ким. М., Терра, 1991. С. 67.

14.

Там же. С. 17.

15.

Рерих Н. К. Алтай-Гималаи. М., Мысль, 1974. С. 20.

16.

Из письма Елизавете Салтыковой (19 декабря 1841 года). Приводится по: Путешествия по Индии князя Алексея Салтыкова. СПб., Palace editions, 2012. С. 150.

17.

Нарайан Р.К. Боги, демоны и другие. М., Наука, 1974. С.97.

18.

Там же. С. 52.